

Максим Горький

Достигаев и другие

Максим Горький Достигаев и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2136425

Аннотация

«Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	32
Действие третье	63

Максим Горький

Достигаев и другие

Действующие лица

Достигаев.

Елизавета.

Антонина.

Алексей.

Павлин.

Звонцов.

Варвара.

Ксения.

Донат.

Глафира.

Таисья.

Мелаиия.

Шура.

Пропотей.

Тягин.

Лаптев.

Калмыкова.

Рябинин.

Бородатый солдат.

Кузьмин.

Поп Иосиф.

Зыбин – помещик.

Губин.

Нестрашные – отец и сын Виктор.

Троеруков.

Целованьев.

Лисогонов.

Мокроусов.

Бетлинг.

Жанна.

Чугунова.

Константин, Софрон – дети её.

Действие первое

*Купеческий клуб. Солидно обставленная гостиная, против зрителя портрет Александра Третьего во весь рост и в шапке, – тучная, чёрная фигура на голубоватом фоне, за нею – какие-то колонны, они напоминают ленинградскую Биржу. В глубине сцены – широкие двери в двухсветный зал, видно эстраду, на ней – стол, покрытый красным сукном, за столом, на стене – золотая рама, портрет Николая Второго вынут из рамы, в раме торчат два красных флага. Перерыв заседания, в зале остались и беседуют несколько маленьких групп, они постепенно тают, выходя в гостиную, а из неё – в двери налево, в буфет. Направо – дверь в карточную. В уголке, около неё, сидит на краешке мягкого стула, свёртывая козью ножку, старичок **Иосиф**, поп, в мужицких сапогах, ряса выцвела, остроносый, лысоватый, в очках. Из зала выходят: **Павлин**, Порфирий Петрович **Нестрашный**, бывший городской голова и председатель местного союза Михаила Архангела, он – с палкой, прихрамывает; Кузьма **Лисогонов**, фабрикант.*

Лисогонов. Ты, отец Павлин, погоди рассказывать, я пойду чайку спрошу. (*Остановился, смотрит на портрет царя, вздохнул.*) Что, ваше величество, сынка-то у тебя – рассчитали? Эхе-хе...

Нестрашный (*садясь к столу, угрюмо*). Есть у меня догадочка, что Лениным да большевиками кадеты пугают нас. Расчётец у них такой – пугать.

Павлин. Боюсь, что в этом случае – ошибаетесь вы. Ленин – воплощение материализма, злого духа, – земной, грубейшей, дьявольской мудрости...

Нестрашный. А ты, когда во второй Думе эсером был, небесную мудрость воплощал?

Павлин. Ирония ваша едва ли уместна. Во второй Думе, если помните, духовенство было представлено весьма обильно, и в этом сказалась воля народа...

Нестрашный. Н-да... Пошли попы вприсядку...

Павлин. Взглянув же углублённо, мы увидим, что эсерство, отказавшееся от террора, вполне способно к слиянию с кадетизмом, а сей последний является наименьшим злом и – как видим – заключает в себе дальнейшее тяготение направо.

(Подходят и присаживаются к столу: Целованьев, хозяин городских боен, и Троеруков – мукомол, человек лет 50, очень похожий на Александра Третьего; о своём сходстве с царём Троеруков знает. В дверях зала Василий Достигаев беседует с Мокроусовым; Мокроусов – в штатском, он – заведует хозяйством клуба. Так же как и Достигаев, он мелькает на сцене в продолжение всего акта. Достигаев – старшина клуба – ручки в карманах, прислушивается ко всем разговорам, вступает во все беседы, оставаясь один,

задумчиво посвистывает.)

Целованьев. О чём беседа?

Павлин. Вот, Порфирий Петрович говорит, что кадеты нарочно пугают нас Лениным с братией его; пугают, как я понимаю, того ради, чтоб торговое сословие подалось влево, к ним, кадетам, в их власть...

Целованьев. А ты, отец Павлин, разве не кадет?

Павлин. никоим образом и никогда не склонюсь. Я вообще...

Достигаев (*подошёл*). Да, вообще-то вот – как?

Павлин. Казалось бы, ежели царствующая персона признана не соответствующей значению своему и делу, – изберите другое лицо. У нас ещё сохранились и благоденствуют потомки Рюрика, удельных князей дети...

(Лисогонов возвратился, официант несёт стакан чаю и – в чайнике – коньяк.)

Достигаев. Потомки, пустые котомки...

Троеруков. Во сне живём...

Лисогонов. В буфете Звонцова ругают – любо слушать!

Целованьев. Н-да... комиссар Временного правительства, вроде губернатора нам...

Троеруков (*лениво*). А давно ли он в конторе у меня сидел, дожидался смирно, когда я его позову?

Нестрашный. Что скажешь, Достигаев?

Достигаев. Слушаю.

Нестрашный. Хитришь всё.

Достигаев. Учусь.

Нестрашный. Нельзя понять – куда ты метишь!

Достигаев. А ты, Порфирий Петров, куда?

(Нестрашный молчит. Все смотрят на него, ждут. Не дождались.)

Павлин. Между прочим, гражданин Звонцов в речи своей коснулся – и весьма обидно – церкви. Среди многих обычных и легкомысленных поношений, коими господа интеллигенты привыкли обременять духовенство, указал он и на то, что, дескать, нужно устранить из богослужения древнеславянский язык, дабы сделать глас божий более вразумительным душе пасомых – наивной душе народа нашего.

Нестрашный (*угрюмо*). Наивная! Тоже, сказал! Положи-ка палец в рот ей, наивной... сукиного сына дочери!

Целованьев. С войны-то бегут и бегут.

Лисогонов. Вся Россия дезертирует...

Павлин (*возбуждаясь*). Причиною чего служит злокозненная проповедь о свободе мысли, воле народа и прочем...

Нестрашный. А во время второй Думы ты всё-таки с эсерами обнюхивался и сам всё это проповедовал.

Павлин. Утверждение – голословное. Возвращаясь к речи господина комиссара Звонцова, должен сказать: мнение его о языке ниспровергается тем фактом, что католическая церковь пользуется в службе богу языком латинским.

(Поп Иосиф, свернув козью ножку, закурил.)

Павлин. Однакож крепость и сила римской церкви от се-

го не страдает, и даже удары еретиков, подобных Лютеру...

Нестрашный. Брось, отец Павлин! Речами накормлены мы вполне достаточно, даже до тошноты.

Троеруков. Погодите, дайте послушать.

Нестрашный. Сколько ни глотай воздух, сыт не будешь...

Павлин (*сердито*). Вы, почтеннейший Порфирий Петрович, равно как и всё сословие ваше, волею грозной судьбы ввергаетесь в область политики, опаснейшую для неискущённых в ней. А потому вам необходимо знать, что всё понятное обнаруживает себя как вреднейшая людям глупость, истинная же и святая премудрость скрыта в непонятном и недоступном ухищрениям разума...

Лисогонов. Верно. Ох – верно!

Троеруков. Как во сне живём. Чёрт те что...

Павлин (*напористо*). Религия есть оружие против соблазнов и козней дьявола...

Нестрашный. Я против религии не спору.

Павлин. И, как всякое оружие защиты, религия подлежит развитию и совершенствованию. Посему: если мы лишились светского главы – необходимо оную заменить духовной. В Москве поднят вопрос об избрании патриарха...

Нестрашный. Ты скажи, что нам делать, нам?

Лисогонов. Нам, друг дорогой, хоть сатану давай, – был бы порядок, вот как дело-то стоит.

Троеруков (*грустно*). Что-то, друзья, будто не то делает-

ся нами! Всё беседуем. А вот – бабы... им революция не мешает. Они своё дело не бросают... Огурцы – посолили, капусту – заквасили, грибы...

Достигаев. Губин идёт...

Павлин. Встреча с этим... лиходеем нежелательна! *(Быстро идёт к двери направо, заметил Иосифа.)* Ах, это вы, отец Иосиф, махорку курите? Как же это вы здесь – махорку, а?

Иосиф. Нечего покурить-то, нечего!

Павлин. Воздержитесь! Здесь – не трактир.

Нестрашный *(толкая его к двери).* Иди, а то скандал будет...

(Павлин, Нестрашный ушли, за ними Лисогонов, неплотно притворив дверь, выглядывает в гостиную. Губин идёт из зала – тяжёлый, толстый человек с оплывшим лицом и наглыми глазами. Его сопровождает Алексей Достигаев.)

Губин. Вот это и есть – она?

Алексей. Да.

Губин. Рыжая, в платье сопливенького цвета?

Алексей. Да, да... Жанна Густавовна.

Губин. Ничего, заметная стервоза! Вот эдакие бабёнки вредных лет...

Алексей. Вы хотели сказать: средних лет?

Губин. Я говорю как хочу. Вредных лет, значит – между тридцатью и сорока. Самые интересные. Понял?

Алексей. Не совсем.

Губин. Отец умнее тебя, хотя... тоже не Бисмарк! Ну, ай-да шампань лакать, баболоб.

Иосиф. Достопочтенный Алексей Матвеевич...

Губин. Чего?

Иосиф. Богом вас прошу – заплатите за гусей, коих вы перестреляли...

Губин. Ага! Это – ты? Так я же тебе сказал: подавай в суд.

Иосиф. Нет на вас суда, кроме божия...

Губин. Врёшь, есть! Пошёл прочь. И – подавай в суд. Не подашь – приеду другой раз, ещё кого-нибудь застрелю... понял?

Иосиф. Я, Алексей Матвеевич, в газету пожалуюсь на вас.

Губин. Валяй! В газету! Архиерею! Валяй... (*Ушёл в буфет.*)

(Иосиф вынул кисет, свёртывает папиросу, вспомнил, что нельзя курить махорку, и, спрятав кисет, огорчённо махнул рукой, снова сел в угол.)

Целованьев. А боится Павлин Губина!

Троеруков. Кто его, чёрта, не боится!

(Нестрашный вышел.)

Лисогонов. Подставили ему ножку попы-то.

Целованьев. Положим, это вот Порфирия Петровича тяжёлая лапка вышибла его из городских-то голов.

Нестрашный. При чём тут я? Архиерей это действовал,

после того как Губин дьякона во время обедни за волосы оттаскал.

Троеруков. Его в сумасшедший дом...

Нестрашный. Теперь для сумасшедших города строить надобно.

Лисогонов. Чу, шумят в буфете! Пойду, взгляну.

(Все ушли. Остался Троеруков, осаниваясь, поглаживая бороду, смотрит на портрет царя и в зеркало на себя. Налил коньяку, встал, пьёт, крикнул.)

Иосиф. На доброе здоровье.

Троеруков *(подумав)*. Да ведь я не чихнул.

Иосиф. Тогда – простите, ослышался!

Троеруков. Ты откуда?

Иосиф. Из слободы, из Комаровой.

Троеруков. Ага... А... чего ждёшь тут?

Иосиф. Игуменью, мать Меланию ожидаю, по её приказу. Обещала быть здесь.

Троеруков. Она – здесь. Коньяк – пьёшь?

Иосиф. Где уж нам! Самогонцу бы, да и того не сыщешь! Ох, разорется Русь!

Троеруков. На-ка, выпей!

Иосиф. Спаси вас Христос! Будьте здоровы. Ух... Какая... неожиданная жидкость!

Троеруков *(удовлетворённо)*. Ожётся? То-то. На ещё... *(Из буфета выходят: Бетлинг, за ним Достигаев и Мокроусов; перед ним, забегая то справа, то слева, – Лисогонов.)*

Бетлинг (*пренебрежительно и ворчливо*). Вы – не прыгайте! Вы – спокойно...

Лисогонов. Взволнован честью беседовать с вашим превосходительством...

Бетлинг. Позвольте, я сяду. И вы – сядьте! Ну, что же вам угодно?

Лисогонов. Мудрый совет ваш, ваше...

Бетлинг. Вы – короче, без титула...

Лисогонов. Говорят, что большевик этот – Ленин – выдуман для устрашения нашего...

Бетлинг. Как это – выдуман?

Мокроусов. Разрешите сообщить: Ленин, после ареста его шайки, бежал в Швецию. Он – лицо действительное.

(Из буфета, из зала выходят люди, окружают Бетлинга, смотрят на него. В толпе, у стены – Тятин. Вышла Мелания, села в кресло. К ней подходит поп Иосиф, кланяется, подаёт бумагу, беседует. Мелания уводит его в зал. Через некоторое время попик быстро пробирается в буфет.)

Бетлинг. Ну да! И, конечно, Швеция выдаст его нам. Вот вы, член городской управы, увлекаетесь политикой, а в городе по улицам нельзя на автомобиле ездить. Видите? Напоминаю вам, что для политики у нас есть Временное правительство...

Лисогонов. Простите! Конечно, мы – дикари, и кому надо верить – не знаем.

Бетлинг. Вот вы снова вскочили и... мелькаете, прыгае-

те...

Лисогонов. Утверждают, что большевики завелись даже в нашем городе.

Бетлинг. Нельзя придавать значения болтовне каких-нибудь базарных торговков.

Лисогонов. Это жена комиссара Звонцова говорит.

Бетлинг. Что? Не верю. Я знаю её, она благоразумная женщина.

Мокроусов. Осмелюсь доложить: большевики в городе есть.

Бетлинг. Есть?

Мокроусов. Так точно.

Бетлинг. Гм... Ну и что же они?

Мокроусов. Проповедуют социализм, так же как и социалисты-революционеры.

Бетлинг. Ну, ну, милейший, у нас всегда что-нибудь проповедуют... Большевики... В Петрограде их арестовали, а что же у нас? Надо арестовать!

Мокроусов. Спрятались, ваше превосходительство.

Достигаев. Некоторые из нас, граф, сомневаются в силе Временного правительства.

Бетлинг. Почему? Ведь вот оно арестует, ловит! Водворяет порядок...

Нестрашный. Вопрос – кто ловит и для чего? Ловят – адвокаты, профессора, интеллигенты и вообще всякая нищая братия.

Бетлинг (*утомлён*). Но – почему же так резко? Там есть почтенные люди, например – князь Львов и этот... как его?

Достигаев. Князь-то он Львов, да львы-то у него – как будто ослы.

Бетлинг (*наильно улыбаясь*). Это остроумно... но зачем же так? Мы должны доверять Временному правительству...

Нестрашный. Иные называют его – беременное; будто бы социалисты изнасиловали его.

Бетлинг (*беспомощно*). Я так не думаю...

Целованьев (*Нестрашному*). Ну, и здорово Достигаев срезал графа.

Нестрашный. Н-да... Ловок и на язык и на руку.

Целованьев. А-яй, здорово!

Бетлинг (*Достигаеву*). А как здоровье компаньона вашего, Булычова?

Достигаев. Он помер с месяц тому назад.

Бетлинг. Ах да, я забыл! Сожалею. Умный человек, своеобразный.

Лисогонов. Не так умён, как дерзок.

Целованьев. К нам, в родовое купечество, он вскочил из приказчиков.

Нестрашный. На дуре женился, а у неё – деньги. Вскочил в наш круг, возгордел счастьем, начал показывать свои качества да и оказался самодуром, вроде Алексея Губина.

Бетлинг. Ах, вот как?

Нестрашный. Вообразил, что лучше его – нет людей и

весь свет на нём клином сошёлся...

Бетлинг (*с тоской*). Почему же не начинают заседание?
(*От него постепенно отходят, гостиная пустеет. Он сидит, глядя на портрет царя, отирая рот платком. Оглядываясь на людей, подходит Троеруков, говорит вполголоса.*)

Троеруков. Позвольте узнать, ваше превосходительство, верно, что портрет на меня похож?

Бетлинг. Да, есть некоторое...

Троеруков. Ваше превосходительство, вы наш почетный староста, прошу вас: поддержите ходатайство моё...

Бетлинг. Но – позвольте: что же я могу?

Троеруков. Вы – можете! Пустяки, ваше превосходительство! Вы, как патриот, намекните, что если сына убрали, так и отцу неприлично тут висеть. А я бы взял его себе, перекрасил одежду на штатскую, на купеческую...

Бетлинг (*возмущён*). Извините, но вы... вы – с ума сошли? Вы... фантазёр! (*Встал, идёт к дверям буфета. Троеруков испуганно скрывается в комнату направо. Навстречу Бетлингу из буфета: Жанна, Елизавета, Достигаев, Зыбин.*)

Жанна (*говорит с акцентом*). Нужно покупать автомобили. Ах, ты – здесь? Я тебя искала.

Бетлинг. Послушай...

Жанна. Немножко мольчи! Я говорю: нужно делать шик, это удивляет простые люди. Богатство – удивляет, не правда?

Зыбин. И рабочий народ живёт спокойно, довольствуясь

удивлением.

Жанна. Вы всегда делаете иронию, это плохое дело! Ты всё сидел здесь, как этот...

Зыбин. Орёл на скале.

Жанна. Нет – куриса! Он ужасно много сидит.

Елизавета. И что же – высиживает?

Жанна (*грозит ей пальцем*). Н-но!

Бетлинг (*раздражённо*). Ты обещала придти через две минуты. А меня взяли в плен эти... коммерсанты, один нетрезвый, другой – сошёл с ума, остальные грубияны.

Жанна. Вот, он снова сидит! Лиза – что вы смеётесь?

Бетлинг. Политика, политика! Все точно грибами отравились. Что они могут понимать в политике, эти монстры? Я – устал!

Зыбин. Теперь даже рабочие, солдаты воображают...

Бетлинг. Ах, перестаньте, друг мой!

Елизавета. После заседания будут танцевать?

Мелания (*вышла, садится в кресло у дверей в зал*). Нашла время для пляски, умница!

Елизавета (*весело*). Почему же? Старики поговорят, разойдутся, а мы бы...

Варвара (*из буфета*). Лиза – не видала, где Андрей?

Мокроусов. В маленькой гостиной.

Жанна. Ты – расстроена, Барбиш?

Варвара. Я? Нисколько.

Зыбин. Варвара Егоровна, добрый вечер! Что, вы уже ре-

шили отрубить мне голову?

Варвара. Я – нет! Это Нестрашный и его чёрная сотня решает.

Жанна. Я не хочу политики! Я не хочу, чтобы ты, Варья, рубила голову мосье Зыбин. За что? Он – весёлая голова... Ты – умная голова, а русский народ – добрый! Он не хочет рубить головы своим дворьяне.

(Звонок в зале.)

Бетлинг. Наконец! Идём, Жанна.

Жанна. Я всегда думаю, когда говорю – дворьяне. Я долго говорила: дворники, дворнягы – маленькие собачки. Это очень смешно!

(Идут в зал. Проходя мимо Мелании, Елизавета не поклонилась ей.)

Мелания. Здравствуй, Лизавета!

Елизавета. Ах, извините! *(Проскользнула в зал.)*

Мелания. Варвара – подожди.

Варвара. Я вам нужна, тётя?

Мелания. Зову, значит – нужна! Чего это муженёк-то твой городил насчёт церкви, болван? Ты что не учишь его? Училась-училась, а учить не умеешь! Политики! Без церкви-то всем вам башки оторвут.

Варвара. Вы не поняли! Андрей говорил о приближении церкви к народу, о том, что богослужение нужно сделать проще, но эффективнее...

Мелания *(пристукивая посохом).* Страшнее надо, страш-

нее, угрознее! Ефффекты для театров оставьте.

Варвара. Простите, мне нужно мужа...

Мелания (*отмахиваясь*). Иди, иди! Другого бы поискала мужа-то, поумнее. Беги! Добегаетесь, смутьяны!

(*Встала, хочет идти в зал. Нестрашный и Мокроусов выходят из буфета.*)

Мокроусов. Подходящего человека не успел найти, Порфирий Петрович.

(*Мелания остановилась, слушает.*)

Нестрашный. Будучи у меня, в союзе Михаила Архангела, везде успевал, а теперь – не успеваешь? Странно, брат...

Мокроусов. Народ ненадёжен очень.

Нестрашный. Сам-то надёжен ли?

Мокроусов. Оскорбляете, Порфирий Петрович! Он – осторожный человек, прячется...

Мелания. Как же это, где же он прячется, ежели на митингах каждый день орёт?

Мокроусов. Я разумею – по ночам. И один никогда не ходит.

Нестрашный. Ну, ладно! Ты всё-таки... Ты – патриот, не забывай!

Мелания (*Нестрашному*). Присядь-ка на минутку. (*Сели за стол у двери направо, шепчутся.*)

Нестрашный. Следует. Только людишки-то у меня в союзе рассеялись. Теперь – такое время: всякому до себя.

Мелания. Ну, много ли надо?

(Звонцов выглянул из двери и быстро скрылся.)

Нестрашный. Да, конечно, сделаем. Ну, кажись, начинается говорильня. Идёшь?

(Пошли. Из дверей зала – Тятин; Мелания и Нестрашный смотрят вслед ему. Он сел за стол, вынул блокнот, пишет. Выскочил Звонцов, отирая лицо платком, попятился.)

Тятин *(встал)*. Любезный братец...

Звонцов. Некогда мне!

Тятин. Ничего, успеешь совершить подвиги ума и чести.

Звонцов. Это что за тон?

Тятин. Ты пустил слух, будто бы я научил Шуру похитить какие-то деньги у отца и деньги эти спрятаны мною...

Звонцов. Не смей... трогать... меня... трясти! Скандал устроить хочешь?

Тятин. Правду говоря, не плохо бы! Да я тебя и оскандалю...

Звонцов. Не напечатают! Выгонят из газеты.

Тятин *(оттолкнув его)*. Экая ты дрянь!

Звонцов. Я не знаю, кто выдумал эту сплетню, но я её не повторял. Деньги! Чего теперь стоят деньги? Я не скрою, твоя позиция неожиданна для меня. Ты так искусно прятал твои убеждения.

Тятин. Это не относится к делу.

Звонцов. И – вдруг... Странно! Ты – интеллигент... Мы, интеллигенты...

Тятин *(усмехаясь)*. Они – интеллигенты!

Звонцов. Мы являемся законными преемниками власти этих быков...

Тягин. Агитируешь?

Звонцов. Мы, люди, которым самодержавие идиотов было так мучительно...

Тягин. Брось! Я не играю в дураки. И оставь Шуру в покое. Вы там травите её. Смотри, я – смирный человек, но до времени. *(Идёт в буфет.)*

Звонцов *(отирая лицо платком)*. Негодяй!

(Варвара и Достигаев очень быстро выходят из зала.)

Варвара. А как же тётка Мелания?

Достигаев. Подумай – сама догадаешься, умница. *(Быстро прошёл в буфет.)*

Звонцов. О чём он?

Варвара. Это тебя не касается. Почему ты не позвал меня на совещание по продовольствию?

Звонцов *(сухо)*. Не нашёл.

Варвара. А – искал?

Звонцов. Поручил Мокроусову, но, очевидно, этот болван...

Варвара *(зловеще)*. Пытаешься действовать самостоятельно? Андрей, твоё выступление было неудачно. Очень. Пойми: большевики – это уже не «ослы слева», и знамя их не «красная тряпка», как сказал о них и о знамени Милюков, нет, это уже знамя анархии...

Звонцов. Ты страшно горячишься. И – говори тише, кру-

гом – люди. И почему нужно говорить сейчас? Начинается заседание.

Варвара. Слушай: мы между двух анархий, красной и чёрной.

Звонцов. Ну да, да! Я понимаю это, знаю...

Варвара. Нет! Ты не понимаешь ни трудности нашей позиции, ни выгод её...

Звонцов. Ах, боже мой! Как ты любишь учить! Но я именно так и говорил о большевиках.

Варвара (*страстно*). Нет, не так! Надо было резче. Надо бить по черепам каменными словами. Твоё ликование по поводу неудачи большевиков в Петрограде – неуместно и бес тактно. Лозунг «Вся власть Советам» – вот чем ты должен действовать на толстую кожу...

Звонцов. Ты ужасно настроена!

Варвара. Красивые речи твои...

Звонцов. Удивляюсь! Чего ты боишься?

Варвара (*шептит в лицо ему*). Ты – глуп! В тебе нет классового чувства...

Звонцов. Позволь! Чёрт возьми! Что я – наёмник твой? И – при чём здесь классовое чувство? Я – не марксист... Какая дичь!

(*Быстро идёт в зал, Варвара изнеможенно садится на стул, бьёт кулаком по столу, Елизавета идёт навстречу Звонцову из зала.*)

Елизавета. Дрюдрюшечка, солёненький мой, как люблю

тебя!

Звонцов (*сердито*). Позволь... В чём дело?

Варвара. Ведёшь ты себя, Лиза...

Елизавета. Ай! Ты – здесь? Да, Варя, я плохо веду себя. «Жизнь молодая проходит бесследно», и – очень скучно всё! Но ты – не бойся. Я Андрея не отобью у тебя, я его люблю... патриотически... нет, как это?

Звонцов (*хмуро*). Платонически. Пусти меня!

Елизавета. Вот именно – протонически! И – комически. Андрюша, после всей этой чепухи – можно танцы, а?

Варвара. Ты с ума сошла!

Елизавета. Милые губернаторы! Вы всё можете! Давайте устроим...

Звонцов (*строго*). Это невозможно. (*Освободился, ушёл.*)

Елизавета. Выскользнул... Ну... устроим маленький пляс у Жанны. Варя, приглашаю! Бог мой, какое лицо! Что ты, милая? Что с тобой?

Варвара. Уйди, Елизавета!

Елизавета. Дать воды?

Варвара. У-уйди...

(*Елизавета бежит в буфет. Варвара несколько секунд стоит, закрыв глаза. Мелания и Павлин – из зала. Варвара скрывается в дверь направо.*)

Мелания. Жарко. Тошно. Надоело всё, обрыдло, ух! Сильную бы руку на всех вас...

Павлин (*вздыхнув*). «Векую шаташася языцы».

Мелания. Говорил с Прокопием?

Павлин. Беседовал. Натура весьма разнузданная и чрезмерно пристрастен к винопитию...

Мелания (*нетерпеливо*). Для дела-то годится?

Павлин. Ничем не следует пренебрегать ради просвещения заблудившихся, но...

Мелания. Ты – прямо скажи: стихи-то подходящи?

Павлин. Стихи вполне пригодны, но – для слепцов, а он... зрячий...

Мелания. Ты бы, отец Павлин, позвал бы к себе старика-то Иосифа, почитал бы стихиры-то его да и настроил бы, поучил, как лучше, умнее! Душевная-то муть снизу поднимается, там, внизу, и успокаивать её, а болтовнёй этой здесь, празднословием – чего добьёмся? Сам видишь: в купечестве нет согласия. Вон как шумят в буфете-то...

Павлин (*прислушиваясь*). Губин бушует, кажется. Извините – удаляюсь.

(Открыл дверь в зал, оттуда вырывается патетический крик: «Могучая душа народа...» Из дверей буфета вываливаются, пошатываясь, Губин, Троеруков, Лисогонов, все выпивши, но – не очень. Мокроусов, за ним старичок-официант с подносом, на подносе стаканы, ваза печенья.)

Губин. Чу, орут: душа, души... Душат друг друга речами. И все – врут. Дерьмо! А поп огорчился коньяком – даже до слёз. Плачет, старый чёрт! Я у него гусей перестрелял.

Троеруков. Сядем здесь под портретом...

Губин. Не желаю. Тут всякая сволочь ходит.

Лисогонов. Скажите, Лексей Матвейч...

Губин. И не скажу. Больно ты любознателен, поди-ка, всё ещё баб шупаешь, а?

(Троеруков хохочет. Мокроусов открыл дверь направо, официант прошёл туда.)

Лисогонов. Лексей Матвейч – вопрос: помиримся с немцами или ещё воевать будем?

Троеруков *(печально)*. Царя – нет. Как воевать?

Губин. Воевать – не в чем. Сапог нет. Васька Достигаев с Перфишкой Нестрашным поставили сапоги солдатам на лыковых подошвах.

(Ушли в гостиную направо. Мелания – крестится, глядя в потолок. Из зала выходят Нестрашный, Целованьев, затем – Достигаев.)

Нестрашный. Наслушался. Хватит с меня. Мать Мелания, ты тоже не стерпела?

Мелания. Я отсюда речи слышу, душно там. Что делается, Порфирий Петрович, а?

Нестрашный. Об этом – не здесь говорить. Ты бы заглянула ко мне. Завтра?

Мелания. Можно. Послал господь на нас саранчу эту...

Нестрашный. Надо скорее Учредительное собрать.

Мелания. На что оно тебе?

Нестрашный. Мужик придёт. Он без хозяина жить не

может.

Мелания. Мужик! Мужик тоже бунтовать научен. Тоже орёт, мужик-то.

Нестрашный. А мы ему глотку землёй засыпем. Дать ему немножко землицы, он и...

Достигаев. Допустим, Перфиша, что глотки мы заткнули, живот мужику набили туго, а – что делать с теми, у кого мозги взболтаны? Вот вопрос.

Нестрашный. Это ты, фабрикант, опять про рабочих поёшь?

Достигаев. Вот именно! Я – фабрикант, ты – судовладелец, кое в каких делах мы компаньоны, а видно всё-таки, что медведи – плохие соседи.

Нестрашный. Перестань... Все знают, что ты прибаутками богат.

Мелания. В шестом-седьмом годах показано вам, как надо с рабочими-то... Забыли?

Нестрашный. Достигаев, кроме себя, ничего не помнит...

Достигаев (*с усмешкой*). Никак это невозможно – о себе забыть. Даже святые – не забывали. Нет-нет да и напомним богу, что место им – в раю.

Мелания. Заболтал, занёсся! Научился кошунству-то у Егора Булычова, еретика...

Достигаев (*отходя*). Ну, пойду, помолчу, язык поточу.

Нестрашный. Иезуит. Ходит, нюхает, примеряется, кого

кому выгодней продать. Эх, много такого... жулья в нашем кругу!

Мелания. Сильную руку, Порфирий, надобно, железную руку! А они – вон как...

(Выходит Губин, за ним Троеруков, Лисогонов.)

Троеруков. Не ходи...

Губин. Идём, я хочу речь сказать. Я им скажу, болванам...

(Увидел Нестрашного, смотрит на него молча. Тот стоит, спрятав руки с палкой за спину, прислонясь спиной к стене. Несколько секунд все молчат, и слышен глухой голос в зале: «Могучие, нетронутые, почвенные силы сословия, которое...»)

Губин *(как бы отрезвев)*. А-а-а... Порфирий? Давно не встречались! Что, брат? Вышиб меня из градских голов, а теперь и тебя вышибли? Да и кто вышиб, а?

Мелания. Лексей Матвееч, время ли старые обиды вспоминать?

Губин. Молчи, тётка! Что, пёс, смотришь на меня? Боишься?

Нестрашный. Я дураков не боюсь, а на разбойников сила найдётся...

Губин. Не боишься? Врёшь!.. Помнишь, как Егор Булычов по морде тебя...

Нестрашный. Поди прочь, пьяница... *(Замахнулся палкой.)*

Мелания. Одумайтесь...

Губин (*орёт*). Ну, ладно! Давай мириться, Перфишка! Сукин сын ты... ну, всё равно! Давай руку. (*Вырвал палку у Нестрашного.*)

(*Выскочил Мокроусов. Из двери буфета выглядывают люди, из зала вышел какой-то человек и строго: «Господа, тише!» Троеруков, сидя у стола, самозабвенно любит портретом. Нестрашный хотел уйти в зал, – Губин схватил его за ворот.*)

Губин. Не хочешь мириться? Почему, а? Что я – хуже тебя? Я, Лексей Губин, мужик самой чистой крови-плоти, настоящая Россия...

Нестрашный. Пусти, собака...

Губин. Я тебе башку причешу!

Мокроусов (*хватая Губина за руку*). Позвольте... Что же вы делаете!

Мелания (*людям в дверях буфета*). Разнимите их, не видите, что ли?

Губин (*оттолкнув Мокроусова*). Куда лезешь? На кого руку поднимаешь, а?

(*Нестрашный пробует вырваться из руки Губина – безуспешно. На шум из зала, из буфета выходят люди, в их числе – Достигаев с какими-то бумагами в руке. Из зала поспешно проходит Бетлинг под руку с Жанной, она испуганна.*)

Елизавета (*как всегда, весёлая, подбежала к мужу,*

спрашивает). Неужели дерутся?

(Он машет на неё бумагами. Мокроусов ударил кастетом Губина снизу по локтевому сгибу.)

Губин *(охнув, выпустил Нестрашиного, орёт)*. Это – кто меня? Кто, дьяволы? Губина? Бить? *(Его хватают за руки, окружают, ведут в буфет, он рычит.)* Подожду... Жить не дам...

(Из зала сквозь толпу появляется Ольга Чугунова, древняя старуха, в тёмных очках, её ведут под руки сын Софрон, лет за 50, и другой, Константин, приблизительно такого же возраста. Оба в длинных, ниже колен, сюртуках, в нагольных сапогах. На публику эти мрачные фигуры действуют подавляюще.)

Мелания. Здравствуй, Ольга Николаевна!

Чугунова. А? Кто это? Мелания, кажись? Стойте, дети! Куда пошёл, Софрон?

Софрон. Кресло вам, маменька.

Чугунова. Константин подаст, я тебе не приказывала. Что, мать Мелания, а? Делается-то – что? Гляди-ко ты: нотарусы да адвокаты купечеству смирененько служили, а теперь даже и не в ровни лезут, а командовать хотят нашим-то словом, а? Воеводами себя объявляют... Что молчишь? Ты у нас бойкая была, ты – умная, хозяйственная... Не чужая нам плоть-кость...

Мелания *(хрипло)*. Что я скажу?

Елизавета *(мужусу)*. Какая противная старушка-то...

Мелания (*очень громко*). Говорила я, говорю...

Достигаев. Её, старушку эту, весь город боится.

Чугунова. Кричи! Криком кричи! В колокола ударить надо. Крестный ход вокруг города надо...

Елизавета. Глупости какие! Идём?

Достигаев (*берёт её под руку*). Пошли... Ох, Лизок! Взглядов нет, взглядов!

Чугунова. Всё кричите... Всем миром надо кричать.

М-елания. А где он – мир? Нет – мира...

Занавес

Действие второе

В доме Булычова. Поздний вечер. Столовая. На столе – самовар. Глафира шьёт рубаху. Таисья перелистывает комплект «Нивы» в переплёте.

Таисья. Это в сам-деле есть такой город Александрия, или только картинка придумана?

Глафира. Город есть.

Таисья. Столица?

Глафира. Не знаю.

Таисья. А у нас – две столицы-то?

Глафира. Две.

Таисья. Богатые мы. *(Вздыхнув.)* А – какие сволочи!

Глафира *(усмехаясь)*. Сердитая ты девица...

Таисья. Я-то? Я – такая... ух! Я бы всех людей спугала, перепутала сплетнями да выдумками так, чтоб все они изгрызли, истерзали друг друга.

Глафира. Это зачем же надо?

Таисья. Так уж... Надо!.. Картинки-то вот выдумывают хорошие, а живут, как псы собачьи.

Глафира. Не все люди – одинаковы, не все на твою игуменью похожи.

Таисья. Для меня – одинаковы.

Глафира. Тебе, Таисья, учиться надо, надо книги читать.

Таисья. Не люблю я читать.

Глафира. Есть книжки очень хорошие, про хозяев, про рабочих.

Таисья. Я – не рабочая, да и хозяйкой не буду, – кто меня замуж возьмёт? А девицы – не хозяйствуют. Читать меня – боем учили. И розгами секли, и по щекам, и за волосы драли. Начиталась. Псалтырь, часослов, жития... Евангелье – интересно, только я в чудеса не верю. И Христос не нравится, нагладелась я на блаженных, надоели! *(Пауза.)* Ты что скупно говоришь со мной? Боишься, что я твои речи игуменье перенесу?

Глафира. Я не боязлива. Я – мало знаю, оттого и молчу. Ты бы вот с Донатом поговорила.

Таисья. Какой интерес, со стариком-то...

Донат *(с топором в руке, с ящиком плотничьих инструментов подмышкой)*. Ну, починил. А на чердаке – что?

Глафира. Дверь скрипит. Звонцовым спать мешает.

Донат. Фонарь давай. В кухне Пропотей торчит, чего он?

Глафира. Игуменью ждёт.

Донат. Ты бы угостила его чаем, поесть дала бы, голодный, поди-ка...

Глафира. Видеть его дикую рожу не могу.

Донат. Ты не гляди на рожу-то, а поесть – дай. Ты – послушай меня, не зря прошу! Позову его, ладно?

Глафира. Твоё дело.

(Донат ушёл.)

Таисья. Вот, говоришь, Донат – хороший, а он – с обманщиком водится, с жуликом.

Глафира (*режет хлеб*). Донату от этого плохо не будет.

Тятин (*одет солдатом, голова гладко острижена, на плечах старенькая шинель*). Шура – дома?

Глафира. У себя. Калмыкова там...

Тятин (*берёт кусок хлеба*). Картинки смотришь, Тая?

Таисья (*смущённо улыбается, но говорит грубо, задорно*). Чего только нет в книге этой, а, поди-ка, выдуманно всё для забавы?

Тятин. А вот горы, Альпы, тоже, по-твоему, выдуманы?

Таисья. Ну, уж горы-то, сразу видно – придуманы. Вон – снег показан на них, значит – зима, а внизу – деревья в цвету, да и люди по-летнему одеты. Это – дурачок делал.

Тятин. Дурачка этого зовут – природа, а вы, церковники, дали ему имя – бог. (*Глафире.*) Яков придёт, так ты, тётя Глаша, пошли его ко мне, на чердак.

Таисья (*глядя вслед ему, вздохнув*). С виду – тихий, а на словах – озорник. Бога дураком назвал – даже страшно слушать!

Глафира. Нравится он тебе?

Таисья. Ничего. Хороший. С волосами-то красивее был. Хороший и без волос. И говорит обо всём очень понятно. (*Вздыхнула.*) Только всё не так говорит.

Глафира. Разговаривай с ним почаще, он тебя добру научит.

Таисья. Ну, я не дура, знаю, чему парни девок учат. У нас, в прошлом году, две послушницы научились – забеременели.

Глафира. И тебе, девушка, этого не миновать. Любовь людям в корень дана.

Таисья. Про любовь-то в песнях вон как горько плачут. Побаловал да убежал, это не любовь, а собачья забава.

Глафира. Характерец у тебя есть, ума бы немножко.

Таисья. Ума с меня хватит.

(Донат и Пропотей – в деревенской сермяге, в лаптях, подстригся, неотличим от простого мужика, угрюмо озирается.)

Донат. Садись.

Таисья. Преобразился как! Фокусник.

Пропотей. При девке этой не стану говорить, она игуменье – наушница.

Таисья *(озлилась)*. Я – не девка, жулик! И – не уйду! Выслушаю всё и скажу игуменье, скажу! Она тебе задаст...

Донат. Ты, девушка, будь умницей, – уйди! И ты, Глаха...

Глафира *(строго)*. Идём, Таисья.

Таисья. А я – не хочу. Мне велено за всеми присматривать, всё слушать. Выгоните меня, – я ей скажу: выгнали, значит – секреты были против неё.

Донат *(ласково)*. Милая! Чихать нам на твою игуменью. Ты – сообрази: люди – царя прогнали, не побоялись, а ты их игуменьей стращаешь, дурочка! Иди-ко...

Глафира. Не дури. Ты – что? Для игуменьи живёшь?

Таисья. А – для кого? Ну, скажи? Вот и сама не знаешь.

(Лаптев в дверях.)

Пропотей. Мала змея, а – ядовита.

Донат. А вот и Яша! Ну – попал в свою минуту! Вот, человек этот...

Лаптев. Как будто я его знаю...

Пропотей. Знать меня – не диво. Я, как пёс бездомный, семнадцать лет у людей под ногами верчусь...

Донат. Это – Пропотей...

Лаптев. Блаженный? Та-ак... Ловко, дядя, ты ерунду сочиняешь!..

Пропотей. Это – не я. Это – один попик из пригорода, пьяница. Осипом звать. Гусевод – знаменитый...

Лаптев. Ну, наверно, и сам сочинял?..

Пропотей. Сначала – сам, да не больно грамотен я. С голоса учился... стихам-то. В ночлежках, в монастырях...

Донат. А чем раньше занимался, до блаженства?

Лаптев. До дурачества?

Пропотей. Коновалом был. И отец у меня – коновал. Его во втором году харьковский губернатор засёк... выпороть велел, у отца на пятый день после того – жила в кишках лопнула, кровью истек. Я-то ещё раньше, года за три, во святые приспособился. Вот что... не знаю, как вас назвать?

Донат. Люди.

Лаптев. Граждане.

Пропотей. Вы – беды мне не сделаете?

Донат. Ты – не сомневайся, рассказывай!

Пропотей. Мне бродяга один, дьякон-расстрига, посоветовал: «Люди, говорит, глупы, к ним на боге подъезжать надобно, да понепонятнее, пострашней, они за это и кормить и поить легко будут». Ну... Оказалось – верно: глупы люди, да так, что иной раз самому за них стыдно бывало. Да и – жалко. Живёшь сыт, пьян, нос в табаке, копеечки в руке, а вокруг – беда! Когда брюхо полно, так всё – всё равно. *(Говорит всё более густо и угрюмо.)* Однакож всё-таки... совесть-то скорбит. Я всю Россию из края в край прошагал, и везде беда, эх какая! Льётся беда, как Волги вода, на тысячи вёрст по всей земле. Облик человеческий с людей смывает. А я, значит, блаженствую, стращаю. Столкнёшься с кем поумнее, говоришь: что ж ты, мать твою... извините!

Лаптев. Ничего! Дуй, словеса знакомые.

Пропотей. Привык с мужиками. Говаривал нередко: долго терпеть будете? Жги, дави всё вокруг! Теперь вот начинается что-то. И надоело мне блаженным быть.

Лаптев. Так.

Донат. Страшал, страшал людей, да и сам испугался.

Пропотей. Вроде этого. Хоша бояться мне как будто нечего, я – битый козырь, на мне уж не сыграешь, они – хотят сыграть. Вот я к тебе... к вам пришёл. *(Донату.)* Меня сейчас очень привлекаете вы доверчивостью вашей к людям. Я на кирпичном заводе два раза беседу вашу слышал. И вас,

товарищ, слышал на мельнице Троерукова, на суконной у Достигаева, в городском аду. Замечательно внятно говорите с народом. Ну, и господ слушал...

Лаптев. А они – как? Нравятся?

Пропотей. Что скажешь? Конечно, может, и господам стыдно стало. Однако они свои сапоги на мои лапти не променяют.

Лаптев. Это – едва ли! Ну, а какое у тебя дело нам?

Донат. Дело у него есть. Ну-ка прочитай...

Пропотей (*встал, согнулся, достаёт бумагу из-за олучи, развернул, читает нараспев и не глядя на бумажку*).

Люди смятённые,
Дьяволы пленные,
На вечные муки осуждённые!
Выслушайте слово,
От чистого сердца,
От божьего разума сошедшее к вам...

Это – вроде как запевка будет, а дальше – другой распев.
(*Откашлялся, понизил голос, гудит.*)

На три города господь прогневался:
Он Содом, Гоморру – огнём пожёт,
А на Питер-град он змею послал,
А и та ли змея лютая,
Она хитрая, кровожадная,
Прозывается революция,

Сатане она – родная дочь,
А и жрёт она в сутки по ста голов,
Ох, и по ста голов человеческих,
Всё народа православного...

Лаптев. Ну – будет!

Пропотей. Тут ещё много.

Лаптев. За эту песенку тебе рабочие голову оторвут.

Пропотей. Об этом я и беспокоюсь... Вы-то как? От вас что мне будет?

Лаптев. Посмотрим. Это зависит от тебя.

Пропотей. Да ведь я – что же?

Лаптев. Дай-ка бумажку-то. (*Взял Донату.*) Тятин – был?

Донат. Он здесь.

Ксения (*идёт*). Ба-атюшки! Кто это, ой! Пропотей! Да... как же это ты посмел? Яков, побойся бога! Донат – что же это?

Лаптев. Не кричите, мамаша. В чём дело?

Ксения. Да что вы таскаете в дом разных... эдаких? Каждый день кто-нибудь торчит! И – неизвестно кто, и неведомо – зачем? Как в трактир идут! Ведь он, Пропотей, отца крёстного твоего уморил... забыл ты?

Пропотей (*ворчит*). Уморил... Я многих купцов стращал – не умирали.

Ксения. И – не ворчи, не смей... Врёшь всё, обманщик, врёшь. (*Грозит пальцем.*)

Пропотей. А кто врать учил? Сестра твоя учила.

Донат. Чего делать, Яша?

Лаптев. Иди в кухню... нет, лучше ко Глафире! Я сейчас приду с Тятиным.

(Донат и Пропотей ушли.)

Ксения. Поп всюнощну – бегом служил, видно, в карты играть торопился. Пришла домой – дома песни рычат. Ох, Яков, строго спросит с тебя господь!

Лаптев. Вот что, мамаша...

Ксения. И не хочу тебя слушать! И не мамаша я тебе. Александру ты с Тятиным совсем разбойницей сделал.

Лаптев. Тятин – он может разбойников воспитывать! Это – любимое его дело.

Ксения. То-то вот!

Лаптев. Хотя Шура и до Тятина была озорная девица. Вот что, вы – добрая душа...

Ксения. Глупая, оттого и добрая. Умные-то – вон они как, Звонцовы-то...

Лаптев. Обещали вы отдать мне ружья отцовы и одежонку его...

Ксения. Да – возьми! Возьми, покуда Варвара не продала. Она всё продаёт, всё...

Лаптев. Вы всё это Глафире сдайте – ладно? Звонцовы-то где?

Ксения. У Бетлингов. Варвара-то в Москве думает жить. Бетлинг с любовницей туда едут, ну и она...

Лаптев. Та-ак! Ну, я – иду...

Ксения. Погоди, посиди со мной. Сестрица-то моя – слышал? С архереем поссорилась. Говорят – выгнал он её, ногами топал...

Лаптев. Топал? Ногами? А-яй-яй! Из-за чего же это?

Ксения. Уж – не знаю.

Лаптев. Страшные дела! До свиданья...

Ксения. Да погоди!.. Убежал. *(Оглядывается.)* Людей – много, а я – одна. Будто – кошка, а не человек.

(Глафира вошла, сердито схватила самовар.)

Ксения. Вот как ты... всё – с треском, с громом! Не подогревай, не хочу я чаю-то. Поела бы я чего-нибудь... необыкновенного. Да погоди, куда ты? Рассольника бы с потрохами, с огурчиками солёными. А потрохов – нет! И – ничего нет! *(Глафира моет чайки.)* Денег много, а пищу всю солдатам скормили. Как будем жить? Умереть бы мне, а умирать не хочется. Ты что молчишь?

Глафира. А что я скажу? Мало я понимаю для того, чтобы вслух говорить.

Ксения. И я – ничего не могу понять. Я и думать-то ни о чём не умею, кроме домашнего. Ты-то врешь, что не понимаешь. Ты – умная, за это тебя и любил покойник Егор.

Глафира. Опять вы про это...

Ксения *(вдумчиво).* Да-а... Про это. Вот – была ты любовницей мужа моего, а у меня против тебя – нет сердца.

Глафира *(страстно).* Разломать, раздробить на мелкие

части надо всё, что есть, чтобы ахнули, завыли бы все, кто жизни не знает, и все жулики, мучители, бессовестные подлецы... гадость земная!

Ксения (*испуганно*). Ой, да что ты? Что ты озверела? Слова тебе сказать нельзя...

Глафира. Да не на вас я, не на вас! Вы – что? Вы – безобидная. Из вас тоже душу вытравили. Разве вы по-человечески жили?

Ксения. Ну, уж извини! Жила – как все люди...

Глафира. Не о том я говорю! Вот Таисья... До чего обозлили девчонку! Изувечили... На всю жизнь...

Ксения. Кто это по-человечески-то живёт? Звонцовы, что ли? Они только об одном думают, как бы тебя из дома выгнать, да как бы Шурке навредить, да к настоящим господам присосаться...

Глафира. Эх... всё – не то, не о том! (*Схватив самовар, ушла.*)

Ксения (*оглядываясь*). Обозлилась как!.. Всё не на своём месте. Как перед праздником – уборка. (*Встала, идёт к себе.*) Или на другую квартиру переезжать собрались.

(Донат и Рябинин, человек лет за 40, лысоватый, был кудрявым. Говорит не торопясь, с юмором. Всегда или курит, или свёртывает «козью ножку», или же держит в руках какую-нибудь вещь, играя ею.)

Ксения. Господи, – опять, Донат, привёл ты какого-то...

Рябинин. Здравствуйте, хозяйка! Я – водопроводчик.

Ксения. Днём приходил бы...

Донат. Некогда было ему днём-то.

Рябинин. Я только взгляну – в чём дело, а работать завтра буду.

Ксения (*уходя*). В воскресенье-то? Неверы! Безбожники!

Рябинин. Сердитая! Значит – решили: часов в шесть утра посылай наших солдат, они заберут муку и отвезут половину – себе, половину – на фабрику, прямо в казарму. Бабы сразу увидят, что большевики не только обещают, а и дают. Ясно, леший?

Донат. Понял. Тебя, слышно, прогнали сегодня с митинга-то?

Рябинин. Был такой случай. Силён эсер в нашем городе!

Донат. Изобьют тебя когда-нибудь.

Рябинин. Это – не исключается.

Донат. Помириться-то с ними – нельзя?

Рябинин. Никак. Вот вышибем из совета, ну, тогда, может быть, они сами захотят мириться.

Донат. Трудно мне понять ваши дела.

Рябинин. Вижу. Тебе, малютка, следовало бы эсером быть, ошибочно ты с нами.

Донат (*сердито*). Моя ошибка – не твоё дело.

Рябинин. Не моё? Мм... Ну, ладно. Что же – чайку-то?

Донат. Сейчас.

Рябинин. И – поесть! Appetit у меня – очень хороший, а поесть – нечего.

(*Донат в двери столкнулся с Шурой, она остановилась, улыбаясь смотрит на Рябинина.*)

Донат. Это товарищ Пётр...

Шура. Я – знаю. Здравствуйте!

Рябинин. А я – слышал про вас. Вот вы... какая...

Шура. Рыжая?

(*Калмыкова – скромно одета, лет 30–35.*)

Рябинин (*отвернулся от Шуры*). Я тебя, Галочка, целый день ищу...

Калмыкова. Слушай-ка, Пётр... (*Отводит его в сторону, шепчутся.*)

Лаптев (*входит, к Донату*). Ну, с блаженным я кончил! Тятин статейку напишет о нём.

Донат. Ты расскажи-ко Петру про него.

Лаптев. Всё-таки он – жулик, блаженный-то.

Донат. Привычка.

Лаптев. И, наверно, шпион...

(*Глафира вносит самовар.*)

Шура (*Лаптеву*). Яков, послушай.

Лаптев. Подожди... (*Отошёл к Рябинину и Калмыковой.*)

Шура *нахмурилась, закусила губу.*)

Глафира. Игуменья приедет ночевать.

Шура. Да? Это... неудобно! Кто сказал?

Глафира. Таисья. Ты бы поговорила с ней, приласкала.

Шура. Я – не ласковая.

Глафира. Она – злая, навредить может.

Шура. Кому?

Глафира. Всем.

Калмыкова. Ну, до свиданья, Шурок, иду...

Шура (*вполголоса*). О чём вы шептались?

Калмыкова. Дела такие, – секретные.

Шура (*заносчиво*). У вас всегда будут тайны от меня?

Калмыкова (*строго*). Ты снова об этом?

Шура. Я спрашиваю: всегда?

Рябинин (*громко Лаптеву*). Это вы оба наерундили!

Калмыкова. А я спрашиваю: ты способна серьёзно отнестись к великому и опасному делу, к великим мыслям, ко всему, что пред тобой открывается? Это тебе нужно решить сразу и навсегда. Наступают решительные дни. Подумай. Не способна – отойди.

Шура. Мне обидно, Галина!

(*Рябинин прислушивается.*)

Калмыкова. Что – обидно?

Шура. Чувствовать себя чужой...

Калмыкова. Переломи своё детское самолюбие, пора!

Шура. Я хочу скорее понять всё и работать, как ты.

Калмыкова. То, что я понимаю, я понимала почти двадцать лет. И – не скажу, что уже всё поняла. Я предупреждала: тебе будет трудно. Ты мало читаешь и вообще... плохо учишься. У меня складывается такое впечатление: ты хочешь идти не с пролетариатом, а впереди него.

Шура. Неправда!

Калмыкова. Боюсь, что правда. Впереди пролетариата – позиция Ленина и подобных ему. Подобных – немного, единицы, и каждый из них прошёл долголетнюю школу тюрем, ссылок, напряжённой учебы...

Шура. Не сердись. Мне кажется, что ты и Яшка смотрите на меня как на временную полезность.

Калмыкова. Ну... Всё – временно! Прощай, я тороплюсь. Подумай о себе, Шурка. Ты – хороший, волевой человек, ты можешь быть очень полезной, но – нужно образумить волю. Иду.

Глафира. Выпили бы чаю...

Калмыкова. Спасибо, Глаша, некогда. Вот – булку возьми. И – сахару.

Шура. Возьми весь.

Калмыкова (*усмехаясь*). Не великодушничай. (*Ушла*).

Рябинин. Значит – так: стишки – к чертям собачьим! Сам сообрази: зачем печатать вредную ерунду, если можно её не печатать? И никаких статей об этом блаженном болване – не надо. Так и скажи Тятину. Беги. Ну-с, теперь хлебнём чайку... (*Шуре.*) Угощайте!

Шура. Пожалуйста...

Глафира. Вот – поешьте сначала. Водки выпьете?

Рябинин. Очень выпью! Редчайшая жидкость. И – даже ветчина? И горчица? Вполне Валтасаров пир!

(*Шура* взволнованно ходит. *Рябинин*, взглянув на неё, подмигивает *Глафире*, та неохотно усмежается.)

Глафира. Кушайте. *(Пошла за водкой.)*

Рябинин. Нацеливаюсь. Вот докурю и начну. *(Шуре.)* Хороший старикан – Донат! Прозрачный старикан. Продумал, пропустил сквозь себя кучу вреднейшей ерунды и – достиг настоящей правды. Во Христа веровал, в хозяев и царей, во Льва Толстого. «Для бога жил – толка не вышло, говорит, теперь попробую для бедных людей жить». Простой егерь, испытал власть помещика. Воля у него была к правде, и взнуздал он волю отлично! *(Шура подошла к столу, села. Глафира принесла водку.)* Хорошо он с молодёжью говорит, с рабочими. Самые трудные мысли от него легко входят в людей. *(Указывая пальцем на Глафиру, Шуру, на себя.)* Ты – сработал, я – купил, ей – продал, кто нажил? Я нажил! Ловко?

Шура. Этому учит Маркс.

Рябинин. Не только этому и не совсем так, но – именно это надобно понять прежде всего.

Глафира *(вполголоса).* Таисья идёт.

Шура. Ах... чёрт!

Глафира. Вы при ней поосторожнее.

Рябинин. Соображаю.

Таисья. Темно как!

Рябинин. Мы освещаемся мыслями, беседуем.

Таисья. А вы кто будете?

Рябинин. Водопроводчик. Молодая хозяйка чай пить пригласила меня.

Таисья. Александра Егоровна не хозяйка, хозяйка-то – Варвара, старшая сестра её.

Шура. Нижний этаж – мой и матери.

Рябинин. Так. Значит, ошибся я? Ну, что же? Теперь, заметно, молодёжь собирается хозяйничать везде, вот я и ошибся.

Таисья. Это – которая развращённая молодёжь-то, у которой ни бога, ни царя.

Рябинин. Вот что-о? А вы, значит, в бога верите?

Таисья. Конечно. А ты – нет, что ли?

Рябинин. Я как-то так... Неудобно как-то верить, бог у нас... сомнительный! Незаконнорождённый будто...

(Шура усмехается.)

Таисья. Ну, что это ты говоришь!

Рябинин *(размышляет)*. Выдали девушку за старика Иосифа, а родила она как будто от архангела Гавриила...

Таисья. От бога-отца – что ты!

Рябинин. Да ведь он – бесплотен, бог-отец-то! Мы о Христе говорили, о боге, который пил, ел, по земле ходил. В местах, откуда я родом, на незаконнорождённых нехорошо смотрят. А у вас как?

(Шура хохочет, Глафира шьёт, наклонив голову.)

Таисья *(ошеломлена, переходит на «вы»)*. Лысый вы, а... какое еретическое говорите!

Рябинин. Ну, что же особенное сказал я? Думаешь, думаешь... Все твердят: бог, бог, – а друг на друге верхом ез-

дят.

Таисья. Бог... незаконнорождённый! Страшно слушать. В такое лютое время...

Рябинин. По-моему, в такое время надобно бесстрашным быть.

Таисья. Страшные вы все! Даже и старики. Будто не русские. Русские-то смирные.

Глафира. Это – смирные перетряхнули монастырь-то ваш?

Таисья. Там – солдаты были, они – с голода!

Рябинин. А если б голодные рабочие были?

Таисья. У рабочих-то ружей нет.

Рябинин. Значит – за малым дело, за ружьями? Так что, если голодный народ достанет ружья да потревожит сытых, богатых...

Таисья. А – мне что? У меня ничего нет. И не будет.

Тягин (*входит*). Игуменья приехала.

Шура. Чего же вы испугались?

Тягин. Я сообщаю неприятную новость.

(*Таисья быстро уходит.*)

Рябинин. Это – знаменитая Меланья?

Глафира. Да.

Рябинин. Может – мне уйти, а?

Шура (*горячо*). Почему?

Глафира. Таисья скажет игуменье...

Шура. Ну, и что же?

Рябинин. Что – скажет? Я – водопроводчик.

Тятин. Это – для детей. Она, вероятно, видела вас где-нибудь.

Рябинин. Значит – исчезнуть надобно? Эх, чёрт... А Донат сказал, что у вас ночевать можно...

Шура. Можно, можно! Глаша – на чердаке, да?

Глафира. Там – хорошо, только не топлено.

Рябинин (*Шуре*). Ну, решайте: уходить или оставаться.

Шура. Остаться! Послушайте, вы – замечательный! Я не думала, что вы такой хитрый, весёлый... такой простой... как шар! Я...

Рябинин (*Тятину*). Расхвалила, точно покойника...

Шура. Страшно рада, что вы такой!

Рябинин. И я рад, что не хуже.

Глафира. Пойдёмте. Я вам кушать туда принесу.

Рябинин. Минуточку. Товарищ Тятин, – листовку вы написали слишком мягко да и вычурно! Ведь это – не для студентов. Надо писать так, чтоб малограмотный понял и безграмотному смог всё точно рассказать. Чуете? И – вот что. Этот ваш – Любимов, что ли? – дрянь! Он – кто? Студент?

Тятин. Коммерческое училище кончил.

Рябинин. Дрянь. На лесопилке какой-то попик, замурышка, выступал, очень злой, так ваш приятель...

Тятин. Он не приятель мне.

Рябинин. Ну, – всё равно! Он предложил мне пристрелить попа. Спрашиваю: зачем? Для возбуждения храбрости,

говорит. Вот, – свинья! Для возбуждения храбрости, идиот! Вы его отшейте, нам таких – не надо! Обязательно – к чёрту! К эсерам... Ну, я готов на чердак... (*Уходит с Глафирой.*)

Шура. Какой... милый! Вот – настоящий!

Тятин. Готово.

Шура. Что? Что готово?

Тятин. Опьянение восторгом.

Шура. Что это значит?

Тятин. Это значит, что отец ваш был сумасброд.

Шура. Не смейте об отце!

Тятин. И сумасбродство отца передалось вам.

Шура. И что же?

Тятин. Вы избалованная, капризная девица.

Шура. Купеческая дочь. Ну-с?

Тятин. Вы не хотите серьёзно учиться...

Шура. Это мне уже говорили сегодня. Ещё что?

Тятин (*махнув рукой*). Бесполезно говорить. До свиданья.

Шура. Тятин, – становитесь на колени.

Тятин. Что?

Шура. Станьте на колени.

Тятин. Зачем? Что такое?

Шура. Станьте. Живо! А то – начну посуду бить, заору на весь дом и вообще... наделаю ужасов. Ставай!

Тятин. Конечно, вы можете наскандалить...

Шура. Ставай на колени, Степан Тятин! (*Толкает его.*)

Тятин (*опускаясь*). Напрасно вы делаете из меня шута...

Шура. Повторяйте за мной: «Шура, я тебя люблю...»

Тягин (*угрюмо*). Перестаньте душить. Уеду я из этого проклятого города!

Шура. Повторяйте: «Я люблю тебя, Шура, дефективная купецкая дочь, взбалмошная девица...»

Тягин (*хочет подняться*). Да перестаньте же... с ума вы сошли!

Шура (*с яростью*). «Люблю, но жульнически боюсь сказать тебе это!» (*Толкает его в плечи.*) Не смей подниматься! Повторяй: «Я благодарю тебя за то, что ты меня заставила...»

Тягин. Идите вы к чёрту!

Шура. Сейчас начну бить посуду! Считаю до трёх, раз... (*Шум в прихожей, кто-то запнулся.*)

Шура (*уходя, грозит кулаком*). Это не кончено! Это повторится.

Достигаев (*в двери*). Ты что это, Степаша, ползаешь?

Тягин. Потерял...

Достигаев. Что – потерял?

Тягин. Н-не знаю. Вынул платок, а оно упало. В общем – чепуха...

Достигаев. Похоже. Да, да, – если карман полон – не знаешь, что теряешь. Как живём? Жарок у тебя, температурка?

Тягин. Голова... немножко... В общем – ничего...

Достигаев. Немножко голова-то? Ну, это – пройдёт. Раньше ты по правде да по чести говорил, а теперь всё говоришь в общем. Новеньким присловьем обзавёлся. А – в чём,

в общем? Мы все будто в общем живём.

Тягин (*угрюмо*). Чаю – хотите?

Достигаев. Благодарствую. Самовар-то холодный. Павлин рассказывает, что в Петрограде неладно, – ты ничего не слышал?

Тягин. Нет.

Достигаев. Наверно, слышал, да сказать не хочешь. Мелания – приехала? (*Тягин кивает головой.*) Имею желание видеть Меланию. А ты, Степаша, к большевикам приспособился, к пр-ролетариям? Ну – как? Удобно с ними?

Тягин. Подите вы к чёрту!

Достигаев. Зачем сердиться, душа моя? Сам – к пролетариату, а меня – к чёрту? (*Идёт.*) Рыба ищет – где глубже... селёдка – где солонее...

Тягин (*стоит, окаменев. Бормочет*). Дурак ты, Степан... До слёз дурак... (*Сел к столу, налил чаю в стакан, захлопнул «Ниву».*)

Таисья (*идёт нерешительно, бесшумно, подошла*). Можно вас спросить?

Тягин (*вздрагнув*). Спросите.

Таисья. Лысоватый этот – кто таков?

Тягин. Человек.

Таисья. Я – знаю. Теперь, слышно, многие переодеваются, не в своём виде живут...

Тягин (*сердито*). Это кому интересно: игуменье или – вам?

Таисья. Мне. Я про него игуменье не сказала.

Тятин. А узнав, кто он, скажете? Вы бы, Таисья, бросили шпионство. Это дело – не похвальное. И – на кой дьявол нужна вам эта... волчиха, игуменья? Она вас по щекам хлещет, а вы служите ей, как собачка... на задних лапках. Она – купчиха, дисконтёрша, ростовщица... вообще – гадина! Неужели вы не видите, не чувствуете, как издеваются над... вами? Уйдите от игуменьи... пошлите её ко всем чертям!

Таисья. А – куда я денусь?

Тятин. Найдёте место, работу...

Таисья. А чего делать?

Тятин. Дела – много. Вам учиться надо. Вот – Глафира, почти вдвое старше вас, а – читает, учится.

Таисья. Учится, а сама говорит: ничего не знаю.

Тятин. Узнают – не сразу. Что вы на меня смотрите... так?

Таисья. Глаза у вас очень грустные.

Тятин. Ну, это... Голова болит...

Глафира (*вбежала, тревожно*). Степан Николаич, – Пётр, должно быть, уборную искал и наткнулся на игуменью, прямо в приёмную к ней влез, а там Достигаев, – слышите, как кричат?

Тятин. Н-ну... что же делать?

Таисья. Ой... Задаст она мне...

Глафира. Молчи, ты... Сюда идут.

Таисья. Спрячусь... (*Убежала.*)

(Рябинин, за ним – Мелания, Достигаев.)

Рябинин *(спокойно)*. Вам, тётка...

Мелания *(бешено, задыхаясь)*. Я тебе не тётка.

Рябинин. Вам приказано защищать власть торгашей, ростовщиков, да вы и сама из этой шайки...

Мелания. На мне – чин ангельский, дура-ак. Шайка! Слышал, Василий, а?

Рябинин. А вот мы должны уничтожить бесчеловечную власть.

Достигаев. Это вам – кем же приказано?

Мелания. Кто приказал? Безумец – кто тебе приказал, кто?

Рябинин. История. Классовое, революционное сознание рабочих...

Мелания. Ленин приказал? Слуга дьявола?

Достигаев. Дьявола можно оставить в стороне, вот – немцы как?

Рябинин *(Тятину)*. Заплутался я. Как тут выйти, куда?

Достигаев. Позвольте... Минуточку! Прошу слова, давайте побеседуем тихо. Спокойно, мать Мелания, спокойно. Ругаться – просто, ругаться – легко, с этим – всегда успеем...

Мелания. Не ругаться надо, а...

Рябинин. Драться. Правильно, мамаша. Стенка на стенку. Ну-с?

Достигаев. Я вас, товарищ Рябинин, слушал на митингах и – уважаю!

Рябинин (*Тятину*). Кажется, вот в таких случаях говорят: благодарю, не ожидал!

Достигаев. Нет, давайте серьёзно. Сознание рабочих? Допустим. Ну, а – мужичок? Как мужичок-то насчёт сознания? Вот вопрос!

Рябинин. Интереснейший вопрос. И – что же вы ответите?

Достигаев. А – вы? Это – к вам вопросец. Вот-с, видите, эсеровская газетка «Серая шинель» – знаете? Вот – в ней карикатурка на Ленина, на Красную гвардию. И о немецких деньгах пишется...

Рябинин. Глупость да подлость ещё не убиты, живут. Подлость на глупости растёт.

Мелания. Ну, чего ты с ним говоришь? Что он может понимать, разбойник? Вломился ко мне. Кабы тебя, Василий, не было...

Рябинин (*Тятину*). Вон она куда погибает...

Тятин. Идём.

Достигаев. Тихо, Степаша, тихо! Оставим вопрос, товарищ Рябинин, пусть он стоит. А вот ответ – какой? На чём мужичок с помещиком помириться может? На земле? Трудно. Как вы думаете?

Рябинин. Трудновато.

Достигаев. А – рабочий с фабрикантом? Тут как будто иное дело, а? Как будто легче, а?

Рябинин. Так, так, так! Интересно придумано.

Достигаев. Я, конечно, шучу.

Рябинин. Понимаю. Любопытно шутите!

Достигаев. Я весёлый, уживчивый. А вы меня хотите бесповоротно уничтожить.

Рябинин. Именно так. Вас и всех, иже с вами.

Достигаев. Ну – и куда же мы?

Рябинин. Ваше дело. Пошли?

Достигаев. Минуту! Однако надо же и нас к месту определить! Правительства содержат для негодных людей...

Мелания. Тюрьмы, арестантские роты...

Достигаев. Больницы, сумасшедшие дома...

Рябинин. Наверное, вот ей, игуменье, да и многим из вас, вроде Нестрашного, придётся в тюрьме посидеть.

Достигаев. Весьма прельстительное будущее у нас, мать Мелания!

Мелания. Ах, зверь, ах ты, зверь адский...

Достигаев. Трудно будет вам, товарищ Рябинин, хозяйствовать без помощи опытных людей.

Рябинин. Найдутся. Ваши же, кто поумнее, станут честно работать с нами. Ну, довольно! Побеседовали.

Глафира. Чёрным ходом идите, парадное крыльцо заковано.

(Рябинин, Тятин ушли с Глафирой. Таисья выглянула из двери, скрылась.)

Мелания. До чего дожили! И арестовать нельзя...

Достигаев. Н-да. Нельзя. *(Задумался.)*

Мелания. О, господи! За что?

Достигаев (*соображает*). Которые поумнее, спасутся, значит... Это всё-таки утешение... для дураков!

Мелания. Ходит разбойник у всех на глазах, а схватить его – запрещено. Что же это?

Достигаев. Схватить – нельзя! Свобода.

Мелания. Будь она проклята отныне и до века!

Достигаев (*ходит, ручки в карманах*). Н-да... Хватать – запрещается. И – бесполезно. В июле хватали, оно – снова вылезло! И даже как будто гуще. Ежели эдаких Рябининых найдётся тысяч пяток, десятков... А их может оказаться и больше... Н-да. Не схватишь. А вот, если ножку им подставить на крутом-то пути... на неведомой дороге?

Мелания. Эх, Василий! Не то вы делаете...

Достигаев. Хуже. Мы ничего не делаем.

Мелания. Солдат поднимать надо.

Достигаев. Не по силам тяжесть.

Мелания. Царю было по силам и бессильному!

Достигаев. Чёрт его, дурака, вогнал в эту войну! Нам с немцами надо в мире жить, учиться у них... Ума у царя не было, да – был хлеб! А у нас – ни ума, ни хлеба. Сожрала война хлебец-то. Иди-иоты!.. Мир надо заключить с немцами, а этот скопец, адвокатишко Керенский, ярится!..

Мелания. С ума ты сошёл! Как это – мир! С немцами-то!

Достигаев. Сначала – мир, а потом... Ага, хозяйка при-была!

Мелания. Что это у тебя, Варвара, в доме? Притон какой-то! Большевики ходят...

Варвара. Что такое?

Достигаев. А где муж, Варя?

Варвара. На дворе с Алёшей, там кто-то чужой...

Достигаев. Рябинин гуляет...

Варвара. Нет? Ну, это, конечно, штучки Шуры и Тятина.

Конечно, – присутствие Тятина в доме – гарантия от разных неожиданностей со стороны его товарищей, но... Вообще, в доме чёрт знает что делается! Александра страшно компрометирует меня и Андрея... Я не знаю, что делать с ней... *(Глухо звучит выстрел, второй.)* Боже мой... Андрей... *(Бежит.)*

Мелания *(крестясь)*. Кого это?

Достигаев *(держится за спинку стула)*. Ну, опять, как в феврале... защёлкали!

(Варвара и Алексей Достигаев ведут Звонцова, он – в изнеможении, задыхается. В руке Алексея – револьвер.)

Звонцов. Я был вынужден... на меня бросились.

Варвара. Ранен?

Звонцов. Нет... Стрелял – я... Состояние самообороны... понимаешь?

Мелания. В кого стрелял-то?

Достигаев *(сыну)*. Ты положи пистолет в воду.

Звонцов. Я был вынужден... Это естественно...

Варвара. Дайте воды!

Мелания. Да – кто бросился-то на тебя?

Достигаев (*сыну*). Я тебе говорю – положи пистолет! Вон

– в полоскательную чашку положи!

Звонцов. Оставь меня, Варя... Подожди!

Мелания. Ничего не понимаю...

Варвара. Это был – Рябинин, да?

Звонцов. Ах, я не знаю... темно.

(*Рябинин ведёт Тятину, за ними Таусья, схватив руками свою голову. Глафира принесла воды.*)

Рябинин. Вы, гражданин Звонцов, что же это?..

Звонцов (*вскочил, в руке – стакан с водой*). Я имел право... был вынужден. Вы сами схватили его, когда он бросился на меня.

Тятин. Чепуха, Андрей...

Рябинин. Врёте вы! Никто на вас не бросался. Впереди шёл – я, а Тятин – сзади, сбоку. Сморкались вы из револьвера – в меня...

Алексей. Это – верно, вы – поторопились.

(*Достигаев дёргает сына за рукав.*)

Тятин. Глаша, дайте что-нибудь перевязать руку.

(*Глафира рвёт рубаху, которую шила. Рябинин снимает с него пиджак. Достигаев сердито шепчет сыну, Мелания – Варваре.*)

Рябинин. Эх вы... стрелок!

Алексей. Это можно понять: темнота, неожиданность.

Рябинин. Трусость тоже...

Шура *(в пальто, в шапочке)*. Что случилось? Тятин, что это?

Варвара. Ничего опасного!

Достигаев. Пустяки, Шурок! Видишь, он – на ногах.

Рябинин. А вам, пожалуй, веселее было бы, если б он протянул ноги-то, а?

Тятин. В общем – чепуха! Даже не больно...

Глафира. Идёмте отсюда. Ко мне идёмте. Доктора надо. Таисья, беги наискосок, дом девятнадцать, доктор Агапов.
(Таисья отрицательно мотает головой.)

Варвара *(Глафире)*. Прошу... не распоряжаться. Как вы смеете!

Глафира. Ну, ну-у! Не ори... барыня!

Шура. Это – мой дом! Идите вон отсюда!

Тятин *(через плечо)*. Не надо волноваться...

Рябинин *(уходя)*. Простить всё надо? Простить... Эх, Тятин-мамин... кисель!

(Глафира увела Тятину, Шура – бежит за доктором, Варвара за ней в прихожую.)

Варвара. Подожди! Нужно уговориться... Что ты скажешь доктору?..

Шура. Иди прочь...

Рябинин *(воротился, подошёл к столу, взял револьвер)*. Штучку эту я возьму себе, вам, граждане, она не годится, не умеете обращаться с ней. *(Идёт.)*

Достигаев *(сыну, вполголоса)*. Отними!.. дубина!..

(Алексей идёт за Рябининым нерешительно.)

Мелания *(Звонцову)*. Ну, что... раскис? Стыдился бы. Не убил ведь. А если б и убил – господь простил бы. Нет, – Шурка-то какова, дрянь, а? Вон гонит. Кого? Тётку родную, а?

Таисья *(вдруг подскочила к ней)*. Ты... Ты – стерва! Их, ты... падаль!

Мелания. Таиска... Да что ты?..

Таисья. Ну, бей! Не боюсь! Бей...

(Из прихожей на крик теснятся в столовую Варвара, Алексей, сзади всех – Рябинин.)

Варвара *(изумлена)*. Ах ты, дрянь!..

Мелания *(орёт, топая ногами)*. Дяво-ол! Цыц... Я тебя...

Звонцов. Алёша, да выгони же девчонку!

Таисья. Старая собака! Волчиха! *(Нашла слово удовлетворяющее.)* Волчиха...

Мелания *(в полубморозе)*. Прокляну...

Рябинин. Bravo, девушка! Так её... Bravo, умница!

Таисья. Волчиха-а...

Занавес

Действие третье

*У Достигаева. Вечер. Большая, неудобная комната в задней половине дома, окна её выходят на двор или в сад. Камин, на нём горит спиртовая лампа, освещающая мрачную репродукцию с Беклина: пузатые морские жители ловят морских девиц. Перед камином – карточный стол, **Алексей**, посвистывая, раскладывает пасьянс. По обе стороны камина двери в тяжёлых драпировках; комната за левой дверью освещена слабо, за правой – совсем не освещена. Мягкая старинная мебель, на полу – ковёр, в одном углу – рояль, в другом – полукруглый диван, за ним – фикус, перед ним – круглый стол, на столе незажжённая лампа. Рядом с диваном – маленькая дверь, оклеена обоями, теми же, как и стена, эту дверь почти не заметно. Из неё выходит **Антонина** с книгой в руке.*

Антонина. Какой холодище... До чего всё бездарно! Начали революцию в феврале и всё ещё не могут кончить. А уже наступает ноябрь... Что?

Алексей. Я ничего не сказал.

Антонина. В штатском ты – жалкий. Похож на полицейского чиновника, выгнанного со службы за взятки и кутежи... (*Зажигает лампу.*) Ты не помнишь – сколько времени французы делали революцию?

Алексей. Не помню.

Антонина. Всё надо делать быстро и красиво или – ничего не надо делать. (*Смешала карты.*)

Алексей (*не сердясь*). Свинья.

Антонина. Знаешь, я, кажется, застрелюсь.

Алексей. Это не ты взяла у меня револьвер?

Антонина. До чего противно пьян явился ты ночью... ф-фа!..

Алексей. Д-да... Выпили. Офицерство жутко пьёт. Знаешь, почему не выходит газета? Нестрашный перехватил вагон с бумагой и где-то спрятал его. Говорят, что, как только откроется Учредительное собрание, он устроит погром большевикам, совету рабочих. У него будто бы есть люди, и это они укокали блаженного Пропотея.

Антонина (*закурив папиросу*). Всё это интересно... Шу-ре...

Достигаев (*из комнаты слева*). А где Лизавета?

Алексей. Пошла с Виктором наверх смотреть пожар...

Достигаев. Иди, спроси её... позови! Да принеси ко мне в кабинет словарь на букву «Д». (*Оглядывается.*) На кой пёс рояль, если на ней никто не играет? Тут бильярд должен быть, – самая холодная комната! Зря послушал я Лизавету, купил этот дурацкий барский дом...

Антонина. Ты, папон, напрасно обижаешь Лизу...

Достигаев (*собирая карты*). Играли?

Антонина. Это Алексей, пасьянс. Лиза Виктору не интересна, Виктор женщинами сыт.

Достигаев. Удивительно, – в кого ты родилась такой бесстыдницей?

Антонина. Лиза понимает, что Виктор охотится за моим приданым, и дразнит его, а он боится, что она его скомпрометирует в твоих и моих глазах...

Достигаев (*тасуя карты*). Нет, ей-богу – замечательно! Никаких взглядов у тебя нет, а людей ты видишь голыми...

Антонина. У меня, папон, есть взгляд:

Прозябает человек,
Заедает чужой век,
А зачем он прозябает —
Он и сам того не знает...

Достигаев. Всё – стишки, шуточки, опереточки! А отец должен – понимаешь: дол-жен! – сопоставлять, соображать, приспособлять, да! И вот ходишь ты перед отцом твоим с папиросой в зубах, и... ничего дочернего нет в тебе. Ничего нет! Поразительное дело! Тоже и Сашка Булычова... Не ночевала сегодня?

Антонина. Не ночевала.

Достигаев. Жаль – помер Егор, пощипала бы дочка печёнку-то ему? Хотя... чёрт его знает, как бы он взглянул на этот фокус! Вон – оказалось, что у него даже и не печёнка была, а... другое какое-то. Н-да, Шурочка!.. К большевикам приспособилась. Сестра из дома выгнала. Ну, – хорошо, ты – на время – приютила её, а дальше что? Куда она?

Антонина. Вероятно, дальше с большевиками.

Достигаев. До тюрьмы, до ссылки? Кстати, – не знаешь, почему её товарищи как будто притихли, а?

Антонина. Не интересовалась.

Достигаев. Поинтересуйся, спроси её, узнай.

Елизавета (*из левой двери*). Ой, какую вы тоску зелёную развели!

Виктор Нестрашный (*весь новенький, в смокинге, говорит докторально*). Разрешите закончить...

Достигаев. Разрешаю, валяй!

Виктор. Я развиваю простую мысль: нигде в мире не читают так охотно, как у нас, можно сказать, что книга водка – главное питание страны...

Достигаев (*раскладывая пасьянс*). Гм... Хотя врёшь, но – продолжай.

Виктор. У нас огромный книжный рынок, но нет издательства, которое широко понимало бы социально-воспитательную роль книги...

Достигаев. Социально? По-оехали с горы!

Виктор. Которое догадалось бы монополизировать издательское дело и взяло бы на себя, – конечно, при финансовой помощи и указаниях правительства, – обязанность бороться против социалистической и вообще против антигосударственной литературы, всех этих Марксов и так далее. Очень странно, что перед войной, когда наша промышленность оживилась...

Достигаев. Так, так, так...

Виктор. Вы – иронизируете?

Достигаев. Я? Не туда сунул валета и – наказан за это.

(Мешает карты.)

(Алексей – возвратился, шепчется с мачехой, она отрицательно качает головой.)

Виктор *(несколько обижен)*. Я совершенно убеждён, что право идеологического питания страны должно принадлежать тому слою общества, в руках которого сосредоточена промышленность и торговля...

Достигаев. Право сажать на диету, значит? Например: ешь одну телятину? Читай только жития святых? Эх, Виктор, Виктор, – твоими бы устами да бордо пить, тёпленькое, сант-эстеп, ласковое такое винцо!

Елизавета. Принести?

Достигаев. Виктор – по-русски значит победитель? Просто всё у тебя, ясно и – правильно: монополия – полезна, социализм – штука вредная, сухая трава – сено. Однако надобно соображать не только о качестве, но и о количестве... Вот есть такие доктора, ядами лечат, – понимаешь? – ядами! Берут каплю наисильнейшего яду, распускают её в бочке чистой воды и дают больным воды этой по одной капле в сутки...

Виктор *(неохотно)*. Это вы... очень остроумно...

Достигаев. Ну, положим, не очень. И это – не я, а – доктор. А рассуждаешь ты – без учёта большевичков...

Виктор. Учредительное собрание раздавит их...

Достигаев. Ой-ли?

Виктор. Неизбежно уничтожит.

Достигаев. Та-ак! Но – ежели уничтожим всех мух – из чего слонов будем делать?

Елизавета. Ох, Вася, не люблю, когда ты говоришь, как сумасшедший. Вино – сюда или в столовую?

Достигаев. В столовую. (*Смотрит на Виктора, Алексея, дочь.*) Ну, вы тут идеологически пожуйте чего-нибудь, а в столовой выпьем... Лизавета, погоди-ка... (*Ушёл вслед за женой.*)

Виктор. До чего... живой человек Василий Ефимович!

Алексей (*угрюмо*). Поживи с ним, – узнаешь, до чего!

Виктор. Вам нравится моя идея?

Антонина. Идея? Какая?

Виктор. Монопольного книгоиздательства?

Антонина. Разве это – идея? Это – торговля. Вы собираетесь торговать книгами, книгами торгуют так же, как сапогами, утюгами...

Виктор. А вы все мечтаете о высоких целях? Я допускаю, что – с какой-то высшей точки зрения – торговля книгами вульгарное дело. Но высшая точка только потому полезна, что, падая с неё, мечтатели разбиваются насмерть.

Антонина. Эта сентенция мне знакома. Не помню, у кого я прочитала её.

Алексей. Не злись, Антошка!

Антонина. Я не злюсь. Мне холодно. (*Ушла в маленькую дверь.*)

Виктор. Дьявольски избалованы купеческие дочери.

Алексей. Не все.

Виктор. Наиболее интересные.

Алексей. То есть – богатые.

Виктор. Ты – проиграл вчера?

Алексей. Да... чёрт! И платить – царскими. А где я возьму царских? Мачеха – не даёт.

Виктор (*закуривая*). Офицеры играют в карты подозрительно счастливо.

Алексей. Напился я... Кто-то снял с меня часы, подарок отца. И револьвер пропал...

Виктор. Как думаешь: Антонина выйдет за меня?

Алексей. Конечно. Куда же ей ещё?

Виктор. Тебе не кажется, что Александра Булычова дурно влияет на неё?

Алексей. Едва ли... Антошка тянет куда-то в другую сторону.

Глафира. Просят в столовую.

Виктор (*удивлён*). А эта зачем у вас?

Алексей. Её Звонцова тоже выгнала, а у нас прислуга разболталась. Мачеха сманила Глафиру тотчас же после смерти Булычова. Что, тебе твоя новая мадам – дорого стоит?

Виктор. Не дешёво. Но – хороша, не правда ли?

Алексей. Да. Идём?

Виктор. Чрезвычайно искусная любовница.

Алексей. Слушай: зачем отец твой газетную бумагу спрятал?

Виктор. Ты знаешь, что дела моего родителя не интересуют меня. А вот твой эпикуреец «папон» шутит ветхозаветно и утомительно. И эта его манера прятаться в ерундовых словах всем известна, никого не обманывает...

(Ушли. Одновременно: из правой двери – Глафира, из левой – Елизавета, в руке – ваза с яблоками.)

Елизавета. Вы что, Глаша?

Глафира. Может – убрать нужно что-нибудь?

Елизавета. Всё в порядке. Вот, несите в столовую, я сейчас приду. *(Идёт к двери в комнату Антонины, дверь закрыта, стучит.)*

Антонина. Это – ты? Что?

Елизавета. От Виктора запираешься? Вот болван, а? Уверен, что я готова открыть ему объятия, гусь копчёный! Ты что всё прячешься, Антошка? Нагрузились вы с Шурой книжками и живёте... безрадостно, как мыши! Брала бы пример с меня: глупая, а живу легко, и всё прощается мне...

Антонина. Должно быть – не всё, вон как утром отец кричал и топал ногами на тебя.

Елизавета. Но ведь простил же! *(Взяв падчерицу за плечи, встряхивает её.)* Ой, Антошка, если б ты видела этого полковника Ермакова! Вот мужчина! Он и в штатском – воин! Глазищи! Ручищи! Знаешь, эдакий... настоящий, для

зверского романа! Убить может! Когда я его вижу – у меня ноги дрожат... Нет, ты – вялая, холодная, ты не можешь понять... Василий Ефимович, конечно, должен ревновать, он – муж! Должен!

Антонина. Должен. В слове этом есть что-то общее с глаголом – лгать. Долг, долгался...

Елизавета. Ну вот, началась философия! Это ты у отца научилась словами играть. Но ведь он играет... для того, чтобы всех обыгрывать. А тебе бы, Антоня, послать все глаголы к чёрту да и жить просто, без затей! Ах, Тонька, кого я понимаю, так это Екатерину Вторую, царицу, вот умела выбирать собачек ко двору! *(Прислушалась.)* А отец... ты его не ценишь, не понимаешь...

(Достигаев – за портьерой в тёмной комнате.)

Елизавета *(потихие, но с жаром)*. Он – милый, с ним легко. Первый умник в городе, да! Он... как это? Еропукеец, что ли?

Достигаев. Епи-ку-реец! Эх ты, изверг невежества!.. Что вы тут делаете?

Елизавета. Тебя хвалим.

Достигаев. Это вы и при мне можете, я – не стыдлив. Ты, лиса, иди-ка в столовую, там чёрт попа принёс неведомо зачем. Говорит поп, что в совете рабочих получены какие-то важные вести из Петрограда... будто бы случилось что-то чрезвычайное. Тебе, Антошка, Булычова-то не говорила, что затевают большевики?

Антонина. Вы второй раз спрашиваете меня об этом.

Достигаев. И третий спрошу. Куксишься всё, дуешься, а – на кого? Выходила бы замуж за Виктора-то... за победителя! Парень в меру глуп и крепко богат, – чего ещё надо? Вертела бы им, как Варька Булычова Андрюшкой. Варька-то целится на эту, на француженку... как её? Читал в словаре вчера... забыл! Голову ей отрубили? Ну?

Антонина. Мадам Ролан.

Достигаев. Ну да. Учитесь, а ничего не знаете. А то ещё была... Рекамье, на кушетке лежит. Время требует, чтоб к нему... приспособлялись. Ну... ладно! Пожар со спиртного завода на лесной двор перемахнул, зарево – огромное! Ставни у нас с улицы закрыты, а всё-таки в зале на полу красные полосы лежат... неприятно! И в столовой неуютно. Поди-ка, Антошка, распорядись, чтобы все сюда шли... подальше от улицы! (*Антонина ушла.*) Ну, что, лиса?

Елизавета (*искренно*). Я тебе – не лиса, я с тобой – честная.

Достигаев (*шлёпая её ладонями по щекам*). Ду-ура! Иной раз и честно, да неуместно.

Елизавета. Я тебе, Вася, прямо говорю, и не первый раз: с тебя – хватит, а мне – мало!

Достигаев (*сел*). Ну... до чего же ты, подлая, бесстыдна!

Елизавета. И не подлая, и не бесстыдная! Я правду говорю – ты умный, ты знаешь – правду!

Достигаев. Да... чёрт тебя возьми вместе с правдой этой!

Глупа ты... до святости, изверг естества! Ты – солги, да чтоб приятно было! Обидно мне или нет, что я – стар для тебя? Слышишь, как я с тобой говорю? Видишь, ну?

Елизавета. Вижу. Всё вижу. И – понимаю. А лгать тебе – не стану. Солгу – ты поймёшь, и разрушится наша дружба, а твоя дружба мне дороже, чем твоя любовь...

Достигаев. Эх, Лизка...

Елизавета. Я от тебя никуда не отойду, и никто меня не сманит, никто! Я – знаю, другого такого, как ты, нет!

(Глафира – с подносом, на нём две бутылки, бисквиты в вазе, яблоки.)

Достигаев. Ну... ладно! Молчи. И – вот что: Павлина – ты не дразни, оставь эту глупую твою привычку. Вообще – дразнить никого не надо, не такие дни. Лишнего не болтай. И пора бы тебе иметь взгляды. Оглядываться надо. Время опасное...

Елизавета. Не умею я учиться, Вася! Да я и без науки ничего не боюсь, как та девица, которая поёт:

Трижды замуж выходила,
Не боялась ничего, —
И четвёртый выйду – тоже
Ничего не побоюсь...

Достигаев. Ты – не шути, не время для шуток! Взяла бы словарь, почитала. Вот, примерно, Дарвин, англичанин, он проводит такой взгляд: надо приспособливаться! Всё живёт,

потому что приспособилось, а не просто: родилось, выросло и живёт... беззащитным дураком! (*Антонина – с тарелками.*) Тебя с Антошкой надобно посадить на идеологическое питание... на диету! Почему не идут сюда?

Антонина. Там спор с Павлином.

Достигаев. Э, болваны... (*Идёт. Елизавета – под руку с ним.*)

Глафира (*из тёмной комнаты*). Шура прислала товарища сказать, что она и сегодня не ночует здесь и не беспокоились бы вы. А если хотите видеть её – товарищ проводит вас. Она – в совете. Очень желает видеть вас.

Антонина. Нет, не пойду. Такая слякоть, холод. Придёт же Шура завтра... послезавтра? Ну – когда-нибудь? (*Глафира молчит.*) Начинается что-то серьёзное, Глаша?

Глафира. Мне неизвестно.

Антонина. Вы тоже уйдёте к ним, да? А мне вот некуда идти. Ни с вами, ни против вас... не способна.

Глафира (*грубовато*). Может – ошибаетесь вы? Посмотрели бы поближе на людей, которые верят и решают...

Антонина. Мне верить – нечем. У меня нет этого, чем верят. Я говорю, конечно, не для того, чтоб вы пожалели меня.

Глафира. Я понимаю, что жалость мою вы за обиду себе приняли бы. Нет, я не жалею. А трудно мне понять – как это, почему? Жил человек свободно, читал книги какие хотел...

Антонина. И оказался ни к чему не способен, да?

Глафира. Вы... не одна такая, много таких...

Антонина. Это вы – утешаете?

Глафира. Нет, зачем же?

Антонина. А где эта смешная монашенка?

Глафира. Она своё место найдёт...

Антонина. Ну, прощайте, Глаша!

Глафира (*удивлена*). Я ведь не сегодня уйду.

Антонина. Скажите Шуре... нет, лучше я напишу ей...

Глафира. Сейчас?

Антонина. После. (*Ушла к себе.*)

(Глафира, нахмурилась, смотрит вслед ей, делает движение к двери, но отмахнулась и пошла в комнату налево; уступает дорогу Павлину, Алексею, Виктору.)

Павлин (*возмущённо*). Прискорбно, весьма прискорбно, молодые люди, что вы так легкомысленно, с кондачка относитесь к слухам, столь грозным.

Виктор. Но – объясните: где же Керенский, войска?..

Алексей. Министры?

Павлин. Объяснить я ничего не могу. Но верю в самое невозможное...

Виктор. Ну да, это верование – ваша профессия...

Павлин. О, боже мой, боже! Что приходится слышать! Повторю вам, да подумаете: разумом наделены мы от бога не для упражнений в бесплодном высокоумии, хотя подобает нам и ереси знать, да искуснейшими явимся противу еретиков...

Достигаев (*входит с бутылкой в руке*). Значит: в Петро-

граде образовалось новое правительство, рабочее? Ну, что ж? Деды и прадеды наши из рабочих вышли, отцы с рабочими жили – трудились, почему же и мы не сумеем?

Павлин. Ох, Василий Ефимович, как неприятно шутите вы...

Достигаев. Открой вот эту бутылочку, Алёшка, да не взболтай, винцо нежное! *(Обнимает Павлина за талию, ходит с ним.)* Ты чего боишься, пастырь душ наших?

Павлин. Помилуйте, – что за вопрос? Власть над Россией захвачена неизвестными людьми, из коих большинство – инородцы, иноверцы, а вы...

Достигаев. А я не верю в это и ничего не боюсь!

Павлин. Не может быть, чтоб не боялись, противуестественно это...

Достигаев. Подожди, – в чём дело? Жили мы шутя, за счёт дураков, ну вот: перебили дураков на войне, а которые остались – поумнели и просятся к нам в долю, в компаньоны.

Павлин. Дразните вы меня, Василий Ефимович.

Достигаев. Нет, ты – сообрази... Например – немцы. Чем немец силён? Тем, что по Дарвину живёт...

Павлин. Ох, полноте! Давным-давно опровергнут Дарвин этот!

Виктор. Совершенно верно.

Достигаев. Опровергнут? Не слышали об этом. Ну, пускай он опровергнут, а привычка к нему всё-таки осталась, и немцы отлично... приспособляются. Немец социалиста не

боится, он и социалисту кушать дает. И – что же мы видим? У нас в шестом году кадеты уговаривали народ: не плати царю налогов, не давай солдат! Народ и ухом не повёл... да! А вот, немецкие рабочие, социалисты, в четырнадцатом году, глазом не моргнув, дали денег на войну.

Павлин. Позвольте... невразумительно это!

Виктор. Я тоже не понимаю: что общего видите вы...

Достигаев. Ага? Вот видите? Нет общего-то!

Виктор. Но каков же смысл вашего примера?

Павлин. Постойте... что такое?

(Шум, возня где-то в доме.)

Алексей. Это – в кухне. Пришёл кто-то.

Павлин *(встревожен)*. Вот видите... вламываются!..

(Виктор – спокоен.)

Достигаев *(сыну)*. Иди, взгляни, кто там?

Павлин. Я говорю – всего можно ожидать.

Достигаев. Для гостей – не поздно.

Павлин. Кто теперь в гости ходит? О, господи! Вскую оставил нас еси?

Елизавета *(вбегает, вполголоса, тревожно)*. Вася – представь: Порфирий Петрович и – Губин.

Достигаев *(удивлён)*. Гу-бин?

Елизавета. Да, да!

Павлин. Разрешите удалиться, ибо считаю безумием риск встречи...

Достигаев. Постой, дай сообразить...

Елизавета. Ввалился, как слон.

Павлин. И, конечно, нетрезвый. Нет, уж я...

Достигаев. Ты, Павлин Савельев, посиди, не сожрёт он тебя! Нет, ты останься...

Елизавета (*берёт пона под руку*). Я буду защищать вас...
(*Входят: Губин, Нестрашный, Алексей.*)

Губин. А-а, Павлин... Ну, ладно, не бойся... Не до тебя. Здорово, Василий...

Достигаев. Вот не ожидал! Рад... очень рад...

Губин. Ну, где там – рад? Чему – рад?

Нестрашный. Для радости, Василий Ефимович, – поздно! Здравствуй-ко!

Губин. Ты, Перфил, начинай сразу.

Достигаев. В чём дело, а? Что это вы... не шадя себя, так сказать...

Нестрашный. Говори ты, Алексей Матвеич, я – сейчас!
(*Отводит сына в сторону.*)

Достигаев. Ночью... обеспокоились, а?

Губин. Пришли... на поклон хитрости твоей... хитроумию...

Нестрашный (*сыну*). Лошадь – у ворот. Езжай, скажи, чтоб вагон с бумагой гнали тотчас, знаешь – куда? По документам в вагоне – сода. Наборщики готовы? Действуй. Я дождусь тебя здесь. Один по городу не ездь, возьми кого-нибудь. Иди. Осторожно.

Губин (*тяжело, угрюмо*). Слухи оказались – верны. И

чем хуже слух, тем боле в нём правды... всегда так было... всегда и все на худой конец живём!

Павлин. Глубоко правильно...

Губин. Ты всё-таки молчи, Павлин!

Нестрашный (*звонко*). Ну, слышал? Правительство – арестовано, солдаты с рабочими разграбили и подожгли Зимний дворец, Керенский – бежал...

Губин. А что нам делать?

Достигаев. Ай-яй-яй! Что же это происходит, граждане, а? Отец Павлин – какво? И... и все бегают! То – один, то – другой. Нашалит и – бежать! Звонцов-то, губернатор наш, в Москву удрал...

Губин. Ты – не юли, не вертись...

Нестрашный. Мы пришли посоветоваться... Ты у нас впереди смелых числишься. К твоим словам люди внимательны.

Павлин. Присоединяюсь к сей оценке! Вас, Василий Ефимович, послушают, за вами пойдут...

Губин. Нет... ты, поп, молчи!

(Елизавета пробует открыть дверь в комнату Антонины. Манит пальцем Алексея. Он отмахнулся, не подошёл.)

Достигаев. Я, конечно... очень благодарен за доверие... Что же предполагаете вы начать? Ты, Порфирий Петров, старый воевода – сколько лет командуешь союзом-то Михаила Архангела?

Нестрашный. Время ли старые года и заслуги считать?

Мы тебя спрашиваем: что это за комитет безопасности организовали в Москве? И кто здесь, у нас, комитет этот представляет? Ты, что ли?

Губин. И о какой, чьей безопасности речь идёт?

Нестрашный. С нами ты или с кадетами?

Достигаев. Вопросов-то сколько, отец Павлин!

(Елизавета быстро ушла, захватив с собой Алексея.)

Губин. Не тяни за душу, Василий!

Достигаев. Считаю так, что основной вопрос: с кем я?

Ответить – просто: ни с кем, только с самим собой.

Губин. Врёшь!

Достигаев. И о безопасности своей сам забочусь, не полагаясь на комитеты, я – сам себе комитет! Я – не Варвара Звонцова, – партию не представляю...

Павлин. Но, простите, вопрос, насколько я могу понять, касается вообще... верований ваших...

Достигаев *(обозлился)*. Верую в бога, но – предпочитаю коньяк. Это сказал один полковник, – очень хорошо сказал! И что значит – вообще? Сарай, что ли, куда всякую дрянь складывают за ненужностью её? Вообще!.. С кем – вообще? Для чего – вообще? Вы просите у меня совета? По какому делу? Вы что намерены делать?

Губин. Отсидживаться. Обороняться.

Достигаев. Люди есть у вас для этого?

Губин. Вот – Перфил... говори ты, Перфил.

Нестрашный. Офицера есть. Люди – найдутся.

Достигаев. В каком числе? И – кроме количества, – качество надо знать!

Губин. Он – выспрашивает, а сам ничего не говорит.

Достигаев. Заметно, что около вас Мокроусов крепко трётся, а всем известно, что он – жулик.

Губин. Честного дешёво не купишь.

Нестрашный (*решительно*). Ну, вот что, Василий Ефимов, довольно вертеть хвостом...

Елизавета (вбегает, останавливается и смотрит на всех молча, определяя: как, каким тоном сказать то, что она знает? Она – подавлена, но не очень огорчена и не испугана. Говорит негромко, как бы с трудом). Вася... Василий Ефимыч... Нет... это – невозможно!

Достигаев (*сердито*). Что? Ну, что такое?

Губин (*Нестрашному – ворчит*). Подстроено что-то... фокус какой-то... Я те говорил...

Елизавета. Тоня умирает...

Достигаев. Ты – что? Бредишь?

Нестрашный. Разве она хворала?

Павлин. Но – позвольте! Как же это? Полчаса тому назад... она...

Губин. Видал? Даже Павлин... не верит...

Елизавета. Застрелилась.

Достигаев. Антонина? Не... может быть!

Елизавета. Ещё дышит... Алексей... за доктором...

Достигаев. Где? (*Бежит в тёмную комнату.*)

Елизавета. В угловой... (*Идёт за Достигаевым, оглядываясь на всех.*)

Нестрашный (*Елизавете*). Какая же причина? Надо причину объяснить...

Губин. Нет – какво? Я тебя, Перфил, предупреждал – толку не будет!

Павлин. Не могу не сказать: весьма... необычное событие! Вполне здоровая девица...

Нестрашный. Ну, положим, она была взбалмошная, капризная...

Губин. Ах, Васька, Васька... Вот как, Павлин, а? Всё, брат... лопается...

Павлин. Высокоумие, атеистическая мечтательность – причины таких и подобных фактов.

Губин. Ну, что ж будем делать здесь, Перфил?

Нестрашный. Подождём. Надо посмотреть.

Губин. На дочь-то? (*Налил вина, пьёт.*) Я – не пойду, не хочу. Не люблю я покойников в доме.

Нестрашный. Кто их любит...

Губин. Надо так: помер, и сразу неси его в церковь, пускай там стоит. Верно, Павлин?

Павлин. Допустимо.

Губин (*вздыхнув*). Фальшивый ты человек всё-таки! Все вы, попы, ябедники богу на нас, грешных.

Нестрашный (*думает вслух*). Как же это произошло? Жили-жили, строили дома, города, фабрики, церкви... и –

оказались чужие всем. И даже – друг другу.

Губин. То-то вот. Жаден был ты на власть, на славу...

Нестрашный (*тоскуя*). Армию поили-кормили, чиновников, судей, губернаторов... полиции сколько...

Губин. А – попов? Попов развели, будто – крыс. Мы, старообрядцы, беспоповцы... Впрочем... ладно! Не обижайся, Павлин, давай выпьем! (*Павлин молча кланяется, чокнулись, пьют.*)

Нестрашный. А помнишь, Лексей Матвеев, как мы в шестом году забастовщиков смяли? Как отрезвел народ? Меня сам губернатор слушался. Я тут всех властей взнуздаль...

Губин. Да-а... размахнулся ты широко... Большую обнаружил ярость.

Нестрашный. Теперь – понял? А тогда орал на меня в городской думе, человекоубийцей называл.

Губин. Ну... Ладно. Было, прошло, да – снова пришло. С каторги-то всех воротили.

Павлин. Справедливость жестокости доказывается библией... Идут...

Достигаев (*в одной руке платок, в другой – конверт*). Надо милицию, Лиза... Засвидетельствовать надо.

Елизавета. Глаша побежала.

Достигаев. Скончалась дочь моя... Порфирий Петрович... Да. Освободите меня. Не в силах я беседовать о делах посторонних...

Нестрашный. Посторонних? Та-ак...

Губин. Видал, Перфил? Вася и на покойнице играет...
Идём, брат.

Достигаев. Что болтаешь, Губин, дикое чудовище? Что значит – играет? Поставь себя, Порфирий Петров, на моё место, – подумай, что Виктор твой погиб.

Губин. Ну, чего там? Идём!

Елизавета (*вбегают*). Солдаты!

Нестрашный (*угрюмо*). Это – наши. Это Виктор за мной прислал.

(*Елизавета шепчет о чём-то мужу.*)

Достигаев (*громко*). Однако – позволь! Как же это? Как же ты, Порфирий Петров, призываешь солдат в чужой – в мой дом, какое у тебя право?

Нестрашный. Теперь правами не стесняются.

(*Павлин незаметно скрылся в тёмную комнату.*)

Достигаев (*возвышая голос*). Что это значит: ваши солдаты? Чьи – ваши? Для чего?

Губин. Трусишь, Васька? Хо-хо...

Достигаев. Вы явились ко мне с-с-с фантазиями, которые я отказался даже выслушать, чему есть свидетель отец Павлин...

(*Нестрашный, стукнув палкой в пол, медленно встаёт, выпрямляется, изумлён; а Губин хотел встать и – развалился, расплылся в кресле, глядя на всех по очереди непонимающими, витаращенными глазами. В этой позе он остаётся до поры, пока его уведут, лишь изредка громко всхрапывает.*)

пывая, как бы желая сказать что-то и не находя сил. Яков Лаптев стоит в правой двери, с револьвером в руке. Рядом с ним Бородатый солдат, лет 40, с винтовкой, две гранаты у пояса, он в лаптях. Вперед Якова протискивается молодой рабочий, смазчик вагонов или масленщик, чумазый, выпачканный нефтью, маслом, тоже с винтовкой. Несколько секунд молчания. Достигаев, приложив платок к лицу, опёрся плечом на Елизавету.)

Нестрашный (сначала бормочет, потом визжит). Свидетель? А-га-а... Значит, ловушка? Ловушку ты устроил мне, Васька, Иуда, сукин сын, а? Ло-овко...

Достигаев (тоже визжит). Я тебя – звал? Звал я тебя? Ты сам пришёл! Павлин – знает! Где он? Лиза!

(Лаптев говорит что-то Бородатому, тот счастливо ухмыляется, кивает головой.)

Нестрашный. Губин! Верно ты сказал, тут что-то подстроено... Даже не поймёшь – как?

Лаптев. Вы, Порфирий Петров Нестрашный, – арестованы.

Нестрашный. Чего-о? Кем это? Ты кто? Какая власть?

Лаптев. Это вы узнаете там, куда вас отведут.

Елизавета (быстро). Яков Егорович, подумайте, какое несчастье у нас: Антонина застрелилась!

Нестрашный (усмехаясь, Губину). Слышишь? Власть-то Достигаевым знакомая...

Лаптев (удивлённо, не веря). Как это? Случайно?

Елизавета. Нарочно, письмо есть для Шуры Булычовой, не знаете – где она?

Нестрашный. Всё – свои...

Лаптев (*Елизавете*). Позвольте... Это – потом. Губин Алексей Матвеев тоже подлежит аресту...

Нестрашный. А – Достигаев? Он – тоже купец, хозяин...

Лаптев. Товарищ Кузьмин, позовите конвой, – троих.

Нестрашный. Всё-таки ты кто же? Кем поставлен в командиры?

Лаптев. Ну, вы – не притворяйтесь, вы знаете, кто я. В списке людей, которых вы решили завтра уничтожить, я – на шестом месте. Сын ваш и Мокроусов – арестованы, нам всё известно. Разговоры здесь излишни, завтра поговорите.

Нестрашный (*грузно сел*). Так... Завтра? Ладно. (*Кричит.*) Ну – арестовал, ну? А... а ещё что? Каким судом судить будешь?

Бородатый. Ты – не ори! Мы на тебя не орём. Суд у нас будет правильный, не беспокойся. Ты, поди-ка, не помнишь меня? А я тебя с седьмого года помню...

Нестрашный. Конюх... Харя...

Бородатый. Вот те и харя! И – конюх!

Нестрашный. Всё-таки... Лаптев... Я вас знаю... Крестник Булычова. Всё-таки – за что?

(*Входят Кузьмин и три солдата.*)

Лаптев (*пожимая плечами*). Будет вам дурить! Вы подготовили вооружённое нападение на совет рабочих, крестьян-

ских и солдатских депутатов... Ну, теперь удовлетворены?

Бородатый. Он, видишь, не знал этого! Делать – делал, а – не знал, дитё! Он – как дитё, играет, а чем? Того не понимает.

Достигаев. Так вот с каким делом пришёл ты ко мне, Порфирий Петров? Вот в какое преступление против народа хотел ты втянуть меня?

Губин (*встал, бормочет*). Ну, вот, Перфил, добился ты своего... Погубил меня...окончательно!

Кузьмин. А ну, дядьки, идёмте! Где одежонка ваша? Шагайте бодро... собачьи дети!

Нестрашный (*толкнув Губина*). Дурак! Ты – пьян. Ничего нам не сделают. Не посмеют!

Бородатый. Любит орать... Эхе-хе...

Лаптев. Где письмо Антонины?

(*Достигаев подал письмо, прикрыл глаза платком.*)

Лаптев (*покосясь на него, читает*). «Прощай, Шура. Ни о чём не жалею. Только с тобой, иногда, мне было тепло и ласково». (*Помолчал.*) Шурке об этом письме прошу не говорить. Я передам его Шуре, когда найду это удобным. Глафира – у вас?

Елизавета. Когда пришёл Нестрашный, я послала её к вам в совет, к Тятину, она ещё не возвратилась.

(*Достигаев изумлённо мигает, глядя на жену.*)

Лаптев. А где... Антонина?

Елизавета. Идёмте...

(Ушли. Достигаев стоит у стола, потирая лоб, щёки, точно хочет стереть улыбку с лица. Бородатый солдат щупает драпировку.)

Бородатый. Замечательной крепости материя! Вот из эдакой солдатам шинели не строят!

Достигаев. Теперь будут шить из материи и получше этой.

Бородатый. Шинели не станут шить, мы воевать не желаем.

Достигаев. И не надо.

Бородатый. Мы решили уговорить все народы: долой войну, братья-товарищи!

Достигаев. Вот это – правильно!

Бородатый. Ну, то-то! Вот, даже и вы понимаете, что – правильно! Мы капиталистов передушим и начнём всемирную, братскую жизнь, как научает нас Ленин, мудрый человек. А Нестрашным – конец! Это – кровожадный человек! Он в седьмом году так зверствовал... Однако, как вы тоже здешний, то сами знаете, какая он стерва...

Достигаев. Да...

Бородатый. А вот вокруг вашей фамилии скандального тогда не слыхать было. Хоша бывает и так, что живёт человек тихо, а вреда от него больше, чем от разбойника...

Достигаев. Винца стаканчик не выпьешь?

Бородатый. Не-ет, нельзя! Я вроде как на часах при вас нахожусь.

Достигаев (*тревожно*). Разве я арестован?

Бородатый. Это неизвестно мне. Ну, однако я – старый солдат и своё дело знаю. Которая застрелилась, – она кто будет вам?

Достигаев (*не сразу*). Она?.. Дочь...

Бородатый. До-очь?

Достигаев. Да... Вот как... молодёжь-то...

Бородатый. Молодёжь... решительная! В дураках жить не желает. Дескать, отцы-деды пожили дураками, а мы, давайте, попробуем иначе...

(*Лаптев молча увёл солдата из комнаты.*)

Достигаев. Ушёл. Даже башкой не кивнул...

Елизавета. Очень нужен тебе его поклон. Что-о? Перепугался?

Достигаев (*лирически*). Ах, Лизок... умница ты моя! Как ты всё это... замечательно! Как своевременно всё... И про Антонину, и...

Павлин (*выходит из тёмной комнаты*). Да, Елизавета Михайловна, я тоже исполнен восхищения пред умом вашим.

Достигаев. Это... как же ты? Где ты был?

Павлин. А я – удалился. Сказано: «Отыди ото зла и сотворишь благо». Я – не прятался, но сан мой – обязывает... Если б кто заглянул за портьеру, то увидал бы, что я – тут.

Елизавета. Вы, отец Павлин, ночуйте у нас.

Павлин. Благодарствую! Хотел просить вас о ночлеге.

Ещё повторю: замечательно вы о покойнице-то...

Елизавета. Не будем говорить о ней...

Достигаев. Да. Что скажешь? Неспособная была... (*Наливает вино в стакан.*) Ну, что ж? Значит – власть рабочих, а?

Павлин. О, господи! И горько и смешно...

Елизавета. Ты, Вася, не беспокойся.

Достигаев (*соображает*). Тятин, Лаптев, Шурка...

Елизавета. И – не мешай мне...

Павлин. Все – молодёжь...

Достигаев (*соображая*). Рябинин... Вот Рябинин этот... в каком количестве?

Елизавета. Всё пойдёт хорошо! Ведь всё – очень просто! Очень просто, Вася...

Достигаев. Умница моя! Твоё здоровье.

Павлин. На многие лета!

Бородатый (*идёт*). Выпиваете?

Елизавета (*удивлена*). Вы – что, товарищ? Зачем?

Бородатый. А мы, некоторые, останемся тут, на случай, если придёт кто в гости к вам... Ну, чтобы и сами вы... ни туда ни сюда! Вон, у вас священник оказался... Надо поглядеть – может, ещё кто есть?..

Елизавета (*возмущённо*). Никого у нас нет!

Бородатый. А вдруг – окажется?.. Ведь вот он, священник-то, его будто бы не было, а он – тут! Как с небеси спрыгнул. Так что мы тут походим, поглядим... Может, ещё какие

чудеса окажутся...

(Павлин медленно, машинально направляется в тёмную комнату.)

Бородатый *(весело)*. Куда, куда, ваше священство? Нет, вы уж все посидите тут, а я вас покараулю.

Елизавета. Вы не смеете издеваться!

Бородатый. Чего это? Да я этого и не умею, издеваться-то, и даже не люблю. Это я – шутю, как будучи очень весёлый... Вы... не того, не тревожьтесь, сидите смиреннько! Вот – винца похлебайте... Дело – лёгкое, вам знакомое...

(Начинается обыск.)

Занавес